

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

1
1981

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 1
САКАВІК

ПРАВА

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказы сакратар*), В. С. ГРЫГОР'-
ЕЎ, Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам.
галоўнага рэдактара*), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

Г. П. ДАВІДЗЮК (*адказы рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (*адказы сакратар*), П. П. ДРОНЬ, Э. М. ЗА-
ГАРУЛЬСКІ (*нам. адказнага рэдактара*), І. І. ЖБАНКОВА,
М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯУЧЭНЯ, А. В. КРУГЛОЎ, М. І. КРУ-
КОЎСКІ, Г. М. ЛІУШЫЦ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ, У. М. СІ-
КОРСКІ, В. С. СЦЕПІН, В. Ф. ЧЫГІР, М. Р. ЮРКЕВІЧ,
С. Я. ЯНЧАНКА

2 2.

Да 60-годдзя БДУ імя У.І.Леніна

А. И. КОЖУШКОВ, М. Ф. ЧУДАЕВ
НАЧАЛО ИСТОРИИ. НАЧАЛО ПУТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила народам бывшей Российской империи все возможности для создания своей государственности, развития экономики и культуры. 1 января 1919 года было провозглашено образование Белорусской Советской Социалистической Республики. Первое Рабоче-Крестьянское правительство БССР при повседневной помощи ЦК РКП(б) и правительства РСФСР, при неослабном внимании со стороны В. И. Ленина приступило к налаживанию нормальной жизни. Страна была разорена мировой войной, бушевавшей более четырех лет.

Главной заботой партии и правительства в те суровые, голодные и холодные годы являлось возрождение разрушенного хозяйства, судьба которого зависела и от решения вопросов культурного строительства, подготовки своих высокообразованных кадров специалистов.

Менее чем через два месяца после образования БССР, 25 февраля 1919 года, ЦИК Советов Белоруссии принял декрет об открытии в Минске государственного университета и ассигновал на его первоначальные нужды один миллион рублей¹. Была создана специальная комиссия из семи человек по организации университета под председательством академика Е. Ф. Карского. Решением Наркомпроса РСФСР в марте 1919 года в Москве была создана комиссия содействия организации Белорусского университета во главе с академиком В. П. Волгиным.

Обе комиссии провели большую работу, однако открытию университета в Минске помешала временная белопольская оккупация. После освобождения республики вопрос об открытии университета обсуждался на III сессии ЦИК Советов Белоруссии, а 18 апреля 1921 года Президиум ЦИК принял следующее постановление: «Признавая, что открытие университета в Минске является делом первостепенной государственной важности и настоятельно требуется культурными, экономическими и политическими интересами рабоче-крестьянского населения Белоруссии, Президиум ЦИК во исполнение поручения 3-й сессии ЦИК Советов Белоруссии от 17 апреля, постановляет:

1. Подтвердить ранее изданные постановления об открытии в городе Минске Белорусского государственного университета.

2. Открыть университет в составе факультетов: рабочего, общественных наук, медицинского, сельскохозяйственного и физико-математического*.

7. Поручить университетской комиссии, образованной при ЦИК, и Временному Правлению Белорусского государственного университета представить в месячный срок на утверждение Совнаркома:

а) проект мероприятий, необходимых для возможно быстрого и полного обеспечения университета необходимыми научными пособиями, как-то: книгами, оборудованием для лабораторий, кабинетов и проч.;

б) проект правил о снабжении преподавателей и слушателей университета жилищем, продовольствием и другими предметами первой необходимости;

* Пункты 3—6, 9 опущены.

в) проект плана организации научной экспедиции по Белоруссии для собирания и составления нужных для университета коллекций.

8. Войти в переговоры с правительством РСФСР об ассигновании золотого фонда или иностранной валюты для приобретения препаратов, приборов и прочего научного инвентаря для университета, озаботиться изысканием средств на покупку этих предметов на территории Советской Федерации.

10. Признать открытие университета в гор. Минске срочной и ударной задачей и предложить всем Наркоматам, Совнархозу и другим учреждениям Республики удовлетворять требования университетской комиссии в первую очередь и оказать Наркомпросу всяческое содействие, необходимое для успешного выполнения этой задачи².

Это постановление явилось важнейшим законодательным актом в организации университета. Началась практическая работа по претворению его в жизнь. В мае был объявлен прием студентов на рабочий факультет и подготовительные курсы при нем. Газета «Звезда» сообщала читателям: «На подготовительную ступень принимаются лица, умеющие читать, писать, знакомые с четырьмя действиями арифметики, на университетские отделы рабфана принимаются лица, свободно владеющие устной и письменной речью, имеющие общее знакомство с арифметикой и основными понятиями геометрии. Доступ открыт для всех рабочих, крестьян и красноармейцев. В первую очередь принимаются лица физического труда. Слушатели пользуются обеспечением и пайком для студентов. Начало занятий 1 июня»³.

8 июля 1921 года коллегия Наркомпроса БССР утвердила правление университета в составе ректора В. И. Пичеты, В. М. Игнатовского (наркома просвещения БССР), М. Я. Фрумкиной, Ф. Ф. Турука и представителя студентов рабочего факультета⁴.

11 июля 1921 года в городском театре состоялось торжественное заседание партийных, советских профсоюзных организаций Минска, посвященное открытию Белорусского государственного университета. Выступивший на заседании Председатель СНК Белоруссии А. Г. Червяков, сказал: «Белорусский государственный университет будет тем рассадником культуры, которая характеризует собой новую эру в жизни Белоруссии, эру... побед и творческого строительства белорусского пролетариата. Нам очень трудно восстанавливать экономику, мы обращаемся ко всем и говорим: «Идите в наш университет учиться, помогайте строить новую, свободную, счастливую жизнь, знакомьтесь с белорусской культурой, с жизнью белорусского трудового народа, с которым, к нашему стыду, мы до этого времени мало знакомы. В нашем университете мы будем бороться за строй, где нет угнетения»⁵.

На торжественном заседании выступил секретарь ЦБ КП Белоруссии В. Г. Кюрин. «Открытие БГУ — праздник Коммунистической партии Белоруссии и всех трудящихся, — говорил он, — власть у нас принадлежит пролетариату. Сосредоточенные в руках рабочих и крестьян завоевания революции укрепляются с каждым днем. Следует обратить особое внимание и на завоевание науки. Перед государственным университетом стоит задача собрать, как в призме, все достижения культуры и направить их так, чтобы они служили делу пролетарской революции, делу рабочего класса»⁶.

Первый ректор университета профессор В. И. Пичета в своем выступлении говорил об исторических судьбах белорусского народа, о том, что «только великая революция российская раскрепостила трудящиеся массы, дала возможность раскрепостить народное образование, приблизив его к пролетариату, приблизив пролетариат к образованию. Открытие БГУ — событие большой культурной и политической важности. Оно даст сильный толчок для развития белорусской культуры... и покажет всему миру, чего может достигнуть народ, разбивший цепи бесправия и рабства»⁷.

«Открывая в день освобождения Минска — центра Белоруссии — Белорусский государственный университет, торжественное собрание, посвященное его открытию, от имени партийных, рабочих, культурных и общественных сил края шлет Вам, дорогой вождь, свой горячий привет»⁸, — говорилось в письме участников торжественного заседания В. И. Ленину.

В течение июля — октября шла напряженная работа по подбору кад-

ров ученых, приобретению наглядных пособий, приборов, дров, торфа, по приспособлению помещений для учебных занятий. 30 октября 1921 года состоялось торжественное открытие университета. В. И. Пичета в речи, посвященной этому событию, выразил уверенность, что «широкие трудящиеся массы республики окажут университету помощь, полную поддержку и тем дадут возможность создать кадры просвещенных работников, которые много пользы принесут делу восстановления нашего края»⁹.

Первыми профессорами университета Государственный Ученый Совет утвердил: В. Г. Кнорина (политэкономия), В. М. Игнатовского (история Белоруссии), В. Н. Ивановского (философия и педагогика), И. М. Соловьева (педагогика), В. П. Кончаловского, В. Н. Перцева, Н. М. Никольского, В. И. Пичету, Л. А. Жаринова, С. З. Каценбогена, Ф. Ф. Турука, А. А. Савича (история), Н. А. Янчука (этнография), С. Я. Вольфсона (философия), В. В. Якунина (экономика), Е. Е. Святловского (статистика), Н. Н. Андреева (физика), Б. М. Беркенгейма (химия), М. Б. Кроля (медицина), П. И. Карузина (анатомия), А. Ф. Федюшина (зоология) и других¹⁰.

1 ноября 1921 года начались занятия на всех факультетах. Заместитель декана факультета общественных наук профессор С. Я. Вольфсон в своих воспоминаниях рассказывает, что в этот день до занятий он нашел ректора В. И. Пичету в актовом зале.

«Знаете, скоро уже начнут собираться студенты, — сказал ректор, — а смотрите, что делается...». Картина была, действительно, не из тех, что воодушевляют. Во-первых, актовый зал был совсем пустой. Как же быть? В примыкающем к залу коридорчике было свалено несколько десятков скамеек и табуреток, доставленных накануне из Наркомпроса. В помещении никого не было — ни служащих, ни уборщиц... Мы взялись переставлять и составлять скамьи, нашли небольшой столик, который... и приспособили... под кафедру. Я нарисовал плакат красно-синим карандашом «Аудитория №1. Вход во время лекций воспрещается» и пристроил его возле двери... Вскоре начали являться студенты, а немного позже в до отказа переполненном зале сотенная толпа жадно ловила речь В. П. Кончаловского о культуре Средиземного моря в эпоху господства Рима»¹¹.

«Бедно и неуютно было в ...аудиториях, — вспоминал профессор М. Н. Пиотухович. — Низкие скамейки, на которых раньше сидели ученики подготовительного класса, а теперь с потугами для себя усаживались бородатые и «шанюнные дядзьки» — студенты; испачканные, давно не видевшие ремонта стены, часто слабый свет свечи вместо электричества — в такой нищенской обстановке приходилось начинать работу»¹².

О первых занятиях в университете вспоминал и профессор В. Н. Перцев: «Все занятия происходили целиком в вечернее время, потому что среди некоторых слушателей университета преобладали служащие, занятые днем, и студенты приходили на занятия уже утомленными.

...По своему характеру первые лекции в университете до известной степени напоминали публичные лекции... В то время университет был единственным культурным центром города: ни лекториев, ни публичных лекций обычного типа, ни культурных обществ в Минске почти не было. Не удивительно потому, что аудитории ломались от слушателей, и помещения, предоставленные университету... оказались тесными... Электрическое освещение действовало очень неаккуратно, и, чтобы не срывать занятий, лекции приходилось читать в полной темноте. При таких условиях запись лекций не могла производиться, а в то время правильная и систематическая запись имела гораздо большее значение, чем теперь, потому что учебники отсутствовали и пособий было очень немного... (Библиотека исторического кабинета помещалась всего на полутора книжных полках). ...В общем можно сказать, что университет тогда переживал героическое время»¹³.

Не менее неприглядным, чем в аудиториях, было положение в общежитиях. 11 ноября 1921 года в связи с массовыми заболеваниями студентов комиссия обследовала общежитие рабфака и записала в акте: «...во всех без исключения комнатах студенты сидят, закутавшись в пальто, и жалуются на невозможность заниматься... Термометр показывает 2,5 градуса выше нуля... Полное отсутствие мебели, постельных принадлежностей»¹⁴. Плохо было в голодном 1921 году с питанием, столовой в университете не было. На площади Свободы в кооперативе «Медик» студенты получали ежемесячный паек — муку, сахар, растительное масло, замороженное соленое мясо.

Во всех воспоминаниях о тех годах наряду с описанием неприглядных и тяжелых условий жизни, быта, учебы первых студентов, звучит нотка гордости за свой университет, созданный Советской властью, вера в его счастливое будущее. «...В груди студенчества и профессуры пылал бодрый юношеский энтузиазм, верилось, что начинается дело огромной исторической важности, и этот энтузиазм, эта могучая вера в будущее как-то скрадывала нищенство и неуютность внешней обстановки, она как-то не замечалась, — пишет Пиотухович, — и в аудиториях, временами... плохо натопленных,.. крепко бился пульс свежей научной мысли,.. раздавались бодрые и радостные голоса трудящейся молодежи, которая Октябрьской революцией непосредственно от сохи и станка призвана была в корпуса высшего учебного заведения. Радость творчества, творческий подъем заставляли мириться с разными недостатками...»¹⁵

В. Н. Перцев тоже отмечает, что с «первых же занятий почувствовалось, что под университетом есть твердая база, что он способен стать подлинным центром белорусской культуры и что дело высшего образования в Минске стоит на твердом основании. Эту уверенность в прочности и жизнненности молодого университета давал подлинный, бьющий через край энтузиазм, которым были охвачены его первые слушатели и большая часть преподавателей»¹⁶.

В таких условиях в 1921 году первый учебный год в университете начали 14 профессоров, 49 преподавателей, 10 ассистентов, 5 заведующих кабинетами. Большая часть профессоров прибыла из Московского, Казанского, Киевского университетов. Газета «Звезда», характеризующая коллектив университета, писала 8 февраля 1922 года: «Лишь два—три университета России имеют достаточные кадры высококвалифицированных научных специалистов-марксистов. Белорусский государственный университет занимает одно из первых мест»¹⁷. И, несмотря на это, положение с кадрами было тяжелым.

В. Н. Перцев вспоминал в 1941 году: «Недостаток в преподавателях был настолько велик, что приходилось ориентироваться на наличные преподавательские силы, а не на учебный план, иначе говоря, не столько приглашались для чтения определенных курсов, сколько определение и характер курса находились в зависимости от имеющихся научных сил... Бывали часто и перебои в лекциях, ибо при перевесе приезжих преподавателей над местными и расстройстве в то время железнодорожного транспорта расписание не могло быть твердым. Часто намеченные лекции приходилось отменять и переносить на другие сроки»¹⁸.

ЦБ КПБ, Правительство БССР, правление университета делали все возможное, чтобы обеспечить профессорско-преподавательский коллектив квартирами и улучшить его материальное положение. С течением времени начал складываться коллектив преподавателей и ученых, связавших свою жизнь с университетом.

Не менее важное значение, чем укомплектование профессорско-преподавательскими кадрами, приобретала проблема формирования студенческого коллектива, проблема набора в университет рабоче-крестьянской молодежи. В мае 1921 года был объявлен прием на рабочий факультет. 1 июня порог рабфака БГУ переступили 160 первых слушателей, через полтора месяца добавилось еще 125. Отбор слушателей на рабфак производила специальная комиссия, в которую входили зав. рабфаком, представители ЦБ КПБ, ЦК ЛКСМБ, ЦИК БССР, профсоюзов. В конце августа—начале сентября 1921 года был проведен набор студентов на основные факультеты университета. Нормы приема устанавливались следующие: факультет общественных наук—800 человек (этнолингвистическое отделение—300, общественно-педагогическое—300, правовое и экономическое—по 100 человек), медицинский факультет—250, рабочий—100. Особое внимание было уделено комплектованию ФОНа, куда было подано 1100 заявлений, на медфак—1300. Таким образом, уже в первый набор обнаружилась большая тяга молодежи в университет и конкурс составил на ФОН—14 человек на 10 мест, на медфак—52 человека»¹⁹.

Всей деятельностью университета руководило возглавляемое ректором правление, утвержденное наркомпросом БССР. Правление было тем органом, который направлял всю деятельность, давал общее руководство университетской жизни. Ректор лично нес ответственность за постановку всей учебно-воспитательной, организационной и административно-хозяйственной работы. Кроме правления были созданы Совет университета и

советы факультетов, в состав которых входили профессора, преподаватели, научные сотрудники, студенты, представители народных комиссариатов, профсоюзов, местных Советов и органов народного образования. Кафедры были не на всех факультетах и центрами учебно-методической и научной работы они в то время не являлись. Этой работой руководили предметные комиссии, количество и состав которых устанавливались правлением университета. В состав предметных комиссий входили профессора и преподаватели смежных дисциплин, а также представители студентов. С правом совещательного голоса на заседаниях могли присутствовать все желающие.

Положением о высшей школе студенчеству отводилась большая роль во всей университетской жизни, что в условиях того времени имело большое значение. В положении были определены обязанности научных работников, преподавателей и студентов, установлена организационная структура учебного заведения, впервые в истории высшей школы к управлению были привлечены представители общественности. Они сыграли большую роль в революционной перестройке высшей школы, ослабили позиции реакционных элементов в составе преподавателей, ускорили включение основной массы преподавателей в общественно-политическую жизнь страны.

Одновременно с формированием университета велась большая работа по созданию фундаментальной университетской библиотеки, которая должна была стать первой государственной библиотекой республики. Ее фонды комплектовались из книг, переданных Наркомпросом и Наркоматом внешней торговли БССР, реквизируемой библиотеки духовной семинарии, частных собраний, дарственных комплектов Российской Академии наук, археографической комиссии и других научных учреждений, путем предоставления библиотеке права на получение обязательного экземпляра от Центральной книжной палаты. Были приобретены также библиотеки академика Е. Ф. Карского, профессоров Н. А. Янчука, И. П. Корнилова и других ученых. За один год библиотека собрала свыше 100 тысяч томов книг и периодических изданий²⁰.

Так, в тяжелейших условиях голода и разрухи, формировался облик Белорусского государственного университета, ставшего крупным очагом просвещения, науки и культуры молодой республики. В отчете о деятельности университета за первый учебный год, один экземпляр которого был направлен В. И. Ленину, говорилось: «Опыт истекшего года доказал нам и должен был доказать всем, ... что только при власти, опирающейся на широкие народные массы, при Советской власти, истрадавшаяся, разоренная, бедная и темная Белоруссия обрела, наконец, то, что является идеалом всего юношества и одновременно символом высшей культуры, — свою alma mater — свой Белорусский государственный университет»²¹.

¹ См.: Известия ЦИК Советов Белоруссии, 1919, № 5, 6 марта.

² ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 1, л. 58.

³ Звезда, 1921, 10 мая.

⁴ ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 1, л. 72.

⁵ Вестник Наркомпроса ССРБ, 1921, № 1, с. 20.

⁶ Там же, с. 21.

⁷ Там же, с. 22.

⁸ ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 1, л. 74.

⁹ Труды Белорусского государственного университета, 1921, № 1, с. 207.

¹⁰ Там же, с. 203—204.

¹¹ Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт да 10 гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі.— Менск, 1927, с. 54.

¹² Там же, с. 54.

¹³ ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 751, л. 98.

¹⁴ ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 2, л. 12.

¹⁵ Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт да 10 гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі, с. 57—58.

¹⁶ ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 751, л. 98.

¹⁷ Звезда, 1922, 8 февраля.

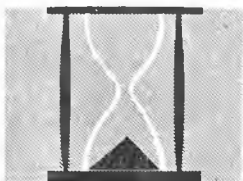
¹⁸ ЦГАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 751, л. 98—111.

¹⁹ Труды Белорусского государственного университета, 1921, № 1, с. 204.

²⁰ См.: Белорусский государственный университет за 1921—1922 акад. год.—Минск, 1922, с. 36.

²¹ Там же, с. 40.

Ю. Л. КАЗАКОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРТИИ БЕЛОРУССИИ ПО ПОДГОТОВКЕ РАБОЧИХ КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЮ ИХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КВАЛИФИКАЦИИ (1951 — 1955)

В комплексе народнохозяйственных задач, стоявших перед республикой в послевоенные годы, главным было — обеспечить подъем промышленного производства. В целом по республике в годы пятой пятилетки оно должно было возрасти на 75—80%, что увеличивало потребность в технически грамотных кадрах рабочего класса. В условиях послевоенной Белоруссии эта проблема стояла особенно остро. В 1950 году количество рабочих и служащих, занятых в промышленности БССР, составило 345,5 тыс. человек, в то время как в 1940 — 394,4¹.

Недостаток рабочей силы сдерживал развитие народного хозяйства. Поэтому состоявшийся в сентябре 1952 года XX съезд КП(б)Б обязал партийные организации развернуть массовую подготовку кадров рабочего класса, добиваясь того, чтобы они могли использовать и развивать передовую технику, внедрять передовую технологию и организацию труда в производство². Руководствуясь решениями съезда, партийные организации республики уделили много внимания подготовке квалифицированных рабочих, которая осуществлялась: в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов; путем индивидуального, бригадного и курсового обучения непосредственно на предприятиях.

Особенно важная роль отводилась учебным заведениям системы трудовых резервов, готовившим кадры рабочих по всем основным специальностям. В 1951 году они направили на предприятия 8147 молодых рабочих, из которых 3340 человек окончили ремесленные и железнодорожные училища, а 4807 — школы ФЗО³. Считая училища и школы ФЗО основной формой подготовки специалистов, партийные организации проявляли неустанную заботу о создании всех необходимых условий для их работы. С 1951 года по инициативе коллектива Минского автозавода было установлено шефство предприятий, получающих кадры из училищ и школ ФЗО, над учебными заведениями. Взяв конкретные обязательства по капитальному ремонту станочного оборудования, обеспечению кабинетов наглядными пособиями, приборами и инструментом, они провели большую работу по укреплению их материально-технической базы. Это способствовало повышению качества производственного обучения и овладению учащимися передовыми методами труда, новой техникой, технологией. В этом им большую помощь оказывали партийные организации промышленных предприятий.

Овладение стахановскими методами и приемами труда отражалось на качестве подготовки нового пополнения рабочего класса. По результатам выпускных квалификационных экзаменов 1953 года в ремесленных и железнодорожных училищах было аттестовано и передано на предприятия по установленным разрядам 98,8% выпускников, против 97,1 в 1952 году. Процент пониженных разрядов снизился с 2,8 до 1,2. Значительных успехов достигли и школы ФЗО республики, готовившие кадры рабочего класса в сравнительно короткие сроки. В 1953 году на пробных работах 82% выпускников перевыполнили нормы взрослых рабочих⁴.

Осуществляя руководство подготовкой кадров рабочего класса в системе трудовых резервов, Компартия Белоруссии принимала меры по ее развитию и совершенствованию. В связи с быстрым оснащением промыш-

ленности новейшей техникой и передовой технологией, требующих от работников высоких технических знаний, ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли решение открыть в 1954 году семь технических училищ для подготовки высококвалифицированных рабочих и младшего технического персонала из числа выпускников средних школ. Созданные на базе крупных промышленных предприятий технические училища уже через год направили на предприятия 700 молодых рабочих.

Всего за годы пятой пятилетки в системе трудовых резервов было подготовлено 33,8 тыс. квалифицированных рабочих ⁵.

Все большее распространение получало и производственное обучение молодых рабочих. Так, только в 1951 году путем индивидуального, бригадного и курсового обучения непосредственно на предприятиях получили квалификацию 49,9 тыс. человек ⁶. Необходимость широкого распространения производственного обучения вызывалась и тем, что постоянно растущие потребности развивающейся промышленности в кадрах рабочего класса в значительной степени удовлетворялись за счет городского и сельского населения республики, не имеющего необходимой квалификации. Повседневно изучал практику работы первичных организаций и оказывал им помощь в руководстве производственным обучением Витебский горком КПБ. В 1954 году на предприятиях города было подготовлено свыше 4 тыс. молодых рабочих, что способствовало выполнению плана по росту производительности труда на 105,4% ⁷.

Успешно осуществлялась подготовка кадров рабочего класса и на других предприятиях. Так, на Минском автомобильном заводе в 1954—1955 годах всеми формами производственного обучения было подготовлено 1915 рабочих, при плане 800, на Гомельском заводе сельскохозяйственного машиностроения в 1955 году получили производственную квалификацию 578 человек. Большая организаторская и идейно-политическая работа партийных и общественных организаций республики в пятой пятилетке увенчалась успехом: было обучено и направлено в промышленность 317 тыс. квалифицированных рабочих ⁸.

Компартия Белоруссии уделяла много внимания и повышению производственной квалификации кадровых рабочих. Повышение квалификации и профессионального мастерства тесно связано с общеобразовательной подготовкой, уровень которой в первые послевоенные годы был невысок. Нужно было принимать меры, направленные на развитие вечерних и заочных форм обучения. Благодаря постоянной заботе партийных организаций в 1954/1955 учебном году в республике уже насчитывалось 334 школы рабочей молодежи, где одновременно занималось 50 758 человек. К концу учебного года 7,5 тыс. выпускников получили среднее образование, 4 827 — семилетнее ⁹.

Рост общеобразовательного уровня трудящихся положительно отражался на распространении опыта передовиков, новейших технических знаний. Под руководством партийных организаций на предприятиях сложилась стройная система курсов, кружков и школ, где рабочие без отрыва от производства повышали свою квалификацию. Распространенными формами технической учебы являлись стахановские школы, кружки техминимума, курсы целевого назначения, повышения квалификации, обучение вторым и смежным профессиям.

В организации технической учебы важную роль сыграло изучение опыта передовиков по методу главного инженера Мытищенской тонкосуконной фабрики «Пролетарская победа» Ф. Ковалева. Суть его заключалась в отборе и обобщении лучших приемов труда, массовом изучении более производительных. Уже в 1953 году на предприятиях республики было обучено передовым приемам труда 82 379 рабочих. Это способствовало выполнению плановых показателей, обеспечило новый, более широкий размах социалистического соревнования. Количество соревнующихся в промышленности БССР увеличилось по сравнению с 1950 годом на 4,6 и составило 94,9%, что было выше, чем в целом по стране ¹⁰.

Большая работа по организации технической учебы проводилась и в последующие годы пятой пятилетки. Партийные комитеты и организации КПБ, широко обсуждая производственные вопросы, одновременно уделяли много внимания росту профессионального мастерства трудящихся. Так, Минский горком КПБ, рассмотрев на бюро в мае 1954 года вопрос «О работе партийной организации станкостроительного завода имени Ворошилова по обеспечению выпуска продукции на существующих производственных площадях», рекомендовал ей улучшить техническое обучение и на

этой основе обеспечить широкий размах социалистического соревнования¹¹. Решение горкома нацелило внимание организации на устранение недостатков. На заводе стал широко пропагандироваться опыт передовиков. В стахановских школах изучались передовые методы труда токаря Сидорчика, строгальщика Блетько и других рабочих. К концу 1954 года здесь повысили квалификацию 328 человек и производственный план был выполнен по всем показателям¹².

Бюро Витебского горкома КПБ, обсудив в марте 1955 года вопрос «О внедрении передовых методов труда и освоении новой техники на станкозаводах города», отметило, что первичные партийные организации заводов заточных станков, имени Кирова и Коминтерна, провели значительную работу по распространению передовых приемов труда. В стахановских школах за первый квартал прошли обучение 125 рабочих, что обеспечило внедрение силового резания и скоростной обработки металла на 52 станках. Горком предложил партийным организациям увеличить количество стахановских школ и распространить ценный почин среди всех рабочих¹³.

Всего за годы пятой пятилетки техническая учеба на предприятиях республики позволила повысить квалификацию 359 тыс. рабочих¹⁴. Овладение новой техникой и передовой технологией, распространение стахановских методов труда обеспечили развитие творческой инициативы трудящихся. Всемерно содействуя подготовке рабочих кадров и повышению их производственной квалификации, партийные организации смогли к 1955 году решить проблему кадров и превзойти довоенный уровень численности рабочих на 18,3%¹⁵. Были созданы все необходимые условия для развития общественного производства, внедрения новых форм организации труда, успешного выполнения пятилетнего плана.

¹ См.: Экономика Советской Белоруссии 1917—1967 гг.— Минск, 1967, с. 374.

² См.: Патоличев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Белоруссии.— Минск, 1952, с. 16.

³ ЦГАОР БССР, ф. 909, оп. 1, ед. хр. 174, л. 1.

⁴ Там же, ед. хр. 373, л. 29; ед. хр. 412, л. 15.

⁵ Белорусская ССР в цифрах.— Минск, 1962, с. 139.

⁶ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 5, ед. хр. 345, л. 6.

⁷ См.: Партархив Витебского ок КПБ, ф. 102, оп. 17, д. 14, л. 104—105.

⁸ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР.— М., 1957, с. 238.

⁹ Звезда, 1955, 7 кастрычніка.

¹⁰ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 5, ед. хр. 757, л. 58.

¹¹ Партархив Минского ок КПБ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 930, л. 124—125.

¹² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 90, д. 4, л. 216—217.

¹³ Партархив Витебского ок КПБ, ф. 102, оп. 19, д. 17, л. 7—9.

¹⁴ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР, с. 240.

¹⁵ Там же, с. 20.

З. А. СУХОВЕИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛОРУССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИНЖЕНЕРНЫМИ КАДРАМИ В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Особое внимание в восьмой пятилетке обращалось «на ускорение научно-технического прогресса и повышение эффективности производства, как на важнейшую хозяйственную и политическую задачу»¹. Директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы, решениями XXVI съезда Компартии Белоруссии предусматривалось дальнейшее развитие всех отраслей народного хозяйства Белорусской ССР и в особенности: машиностроения, приборостроения, электроприборостроения, химической и легкой промышленности. Объем производства промышленной продукции увеличивался примерно в 1,7 раза².

С развитием научно-технического прогресса возрастает и удельный вес инженерно-технических работников в общем количестве производственного персонала. Ежегодный выпуск специалистов вузами страны в 1961—1968 годах составлял 5,5—5,8 человека на 1 тыс. рабочих и служащих³. Однако в начале восьмой пятилетки потребности в кадрах квалифицированных инженеров, особенно нефтеперерабатывающей и химической

промышленности, в республике удовлетворялись крайне недостаточно. Например, общая потребность в молодых специалистах высшей и средней квалификации для предприятий Управления химической промышленности при Совете Министров Белорусской ССР составляла в 1966 году—189 человек, в 1967—369, 1968—798, 1969—1350 и в 1970 году—1184⁴. В связи со всевозрастающей ежегодной потребностью в кадрах данного профиля было решено до того, как будет построен филиал технологического института при Полоцком нефтеперерабатывающем заводе, кадры инженеров-химиков по семи специальностям готовить в Белорусском технологическом институте. В 1966 году по этим специальностям в институте обучалось 400 студентов, а в 1968/1969 учебном году уже 785⁵.

Для удовлетворения потребностей производства в квалифицированных кадрах специалистов в этот период в республике открываются новые учебные заведения, в том числе Гомельский государственный университет, филиалы политехнического института в Гомеле и Жодино, технологического института в Новополоцке⁶. Всего же за годы восьмой пятилетки высшие учебные заведения республики подготовили 66,9 тыс. человек специалистов высшей квалификации⁷.

Гигантский рост социалистического производства, усложнение народнохозяйственных связей, бурные темпы научно-технической революции— все это коренным образом меняло требования к подготовке инженерных кадров. Современные инженерные кадры должны в совершенстве владеть экономической теорией и практикой руководства хозяйством, так как дальнейшее повышение экономической эффективности производства возможно лишь на основе более совершенной системы организации и техники управления, использующей научные методы и вычислительную технику.

В республике в годы пятилетки осуществлялась подготовка кадров практически по всем специальностям, необходимым для вычислительных центров и автоматизированных систем управления. В связи с этим в 1970 году в БГУ открылся факультет прикладной математики. Развитие электронной промышленности обусловило появление в университете факультета радиофизики и электроники. В технических и экономических вузах республики было введено изучение таких курсов, как вычислительная техника в инженерных и экономических расчетах, математические методы планирования и управления, математическое программирование.

Экономическая реформа, обособленная решениями XXIII съезда КПСС и направленная на дальнейшее улучшение управления народным хозяйством, совершенствование планирования и экономического стимулирования производства, требовала резкого увеличения количества высокообразованных экономистов. Уже в 1966 году необходимо было дополнительно иметь для работы на предприятиях и в учреждениях республики 38 183 экономиста⁸. В связи с этим Компартией Белоруссии и правительством республики было предусмотрено в 1966 году по сравнению с 1965 увеличить прием студентов на экономические специальности в вузы на 18, а в Белорусский государственный институт народного хозяйства на 19%⁹.

Таким образом, с проведением экономической реформы в народном хозяйстве страны, а также внедрением в производство средств механизации и автоматизации, за годы восьмой пятилетки наиболее интенсивно выросла численность специалистов экономического и инженерного профиля. Так, за 1966—1970 годы среднегодовой прирост численности дипломированных специалистов с высшим образованием составлял 8,2, а численность экономистов ежегодно возрастала на 12,5, инженеров—на 11,8%¹⁰.

Техническое совершенствование промышленности и внедрение новых методов планирования и экономического стимулирования вызвали не только дополнительную потребность в кадрах высшей квалификации, но и качественный рост научных и научно-педагогических кадров. В свете требований XXIII съезда партии о качестве подготовки молодых специалистов ЦК КПСС и Совет Министров СССР 3 сентября 1966 года приняли постановление «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране»¹¹. Постановлением были определены пути повышения учебной и научной работы в высших учебных заведениях, а также повышения квалификации научных работников. Партийным и государственным органам, высшим учебным заведениям рекомендовалось организовать стажировку

преподавателей специальных дисциплин на передовых промышленных предприятиях и в вузовских центрах.

Задачи, определенные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, легли в основу работы партийных и советских органов, партийных организаций и руководства вузов Белоруссии. Были разработаны конкретные меры, призванные обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов. Повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, подготовка молодой научной смены стали одним из главных звеньев в деятельности ЦК КП Белоруссии, Брестского, Витебского, Гомельского, Гродненского, Минского и Могилевского обкомов и горкомов партии, райкомов партии Витебска, Гомеля, Минска, Могилева. В практику партийной работы начинает входить проведение пленумов обкомов, горкомов, райкомов КПБ, на которых обсуждается работа партийных организаций вузов с кадрами. Ректораты, партийные организации, кафедры вузов разрабатывали планы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава и конкретные меры по их выполнению.

Основными формами повышения научно-методического уровня преподавателей в годы восьмой пятилетки становятся: учеба в институтах и на факультетах повышения квалификации; стажировка на кафедрах в родственных высших учебных заведениях и научных учреждениях; перевод на должности старших научных сотрудников для завершения докторских диссертаций; предоставление творческих отпусков для написания докторских и кандидатских диссертаций; направление в годичную и заочную аспирантуру¹². Все это позволило резко увеличить численность и улучшить качественный состав научных кадров республики. Так, если в 1965 году ученую степень доктора наук имели 255 и кандидата 3093 человека, то в 1970 году соответственно 425 и 5564¹³. Численность аспирантов в республике возросла с 2409 человек в 1965 году до 2739 в 1970¹⁴.

Наглядным примером высококачественной подготовки квалифицированных преподавательских кадров в этот период может служить один из крупнейших вузов республики — Белорусский политехнический институт, который готовит инженеров по 32 специальностям. В 1966 году здесь лишь 31% научно-педагогических кадров имел ученые степени и звания¹⁵. Вопрос о повышении квалификации научных работников неоднократно обсуждался на заседаниях парткома и ученом совете. Забота ректората и партийной организации института о качественном росте преподавательских кадров дала хорошие результаты. За 1966—1968 годы аспиранты и сотрудники вуза защитили 110 диссертаций — это значительно больше, чем за всю седьмую пятилетку¹⁶.

Таким образом, ректораты и партийные организации вузов республики, научно-педагогические коллективы за годы восьмой пятилетки проделали большую работу по совершенствованию всего учебного процесса, повышению его научной организации, более тесному соединению теории с практикой. Все это было направлено на то, чтобы повысить уровень научно-технической подготовки студентов, привить им любовь к профессии, качества активных организаторов и хозяев социалистического производства.

¹ Материалы XXIII съезда КПСС.— М., 1966, с. 44.

² См.: Там же, с. 122.

³ См.: Научно-техническая революция и социальный прогресс.— М., 1972, с. 184.

⁴ ЦГАОР, ф. 1026, оп. 3, д. 56, л. 44.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 104, д. 74, л. 69, 70, 72; д. 75, л. 144.

⁶ См.: Матэрыялы XXVII з'езда Камуністычнай партыі Беларусі.— Мінск, 1971, с. 37.

⁷ Соколов Н. К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР.— Минск, 1978, с. 115.

⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 104, д. 75, л. 12.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 104, д. 74, л. 97.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 104, д. 108, л. 165.

¹¹ См.: Правда, 1966, 9 сентября.

¹² См.: Соколов Н. К. Указ. работа, с. 119.

¹³ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР.— Минск, 1976, с. 29.

¹⁴ См.: Там же, с. 31.

¹⁵ ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 55, д. 582, л. 70.

¹⁶ См.: Соколов Н. К. Указ. работа, с. 120.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИХ КУРСОВ ПО ПЕРЕПОДГОТОВКЕ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ КАДРОВ В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Свою кадровую политику КПСС строит на основе научных принципов, разработанных В. И. Лениным и творчески развиваемых в процессе строительства коммунизма. В. И. Ленин неизменно подчеркивал, что новая историческая обстановка, новые задачи, встающие перед партией и обществом, предъявляют и новые требования к кадрам. Исторический опыт полностью подтверждает это положение. Партия постоянно добивается того, чтобы подготовка кадров была ориентирована на потребности не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня, ибо всякий новый шаг в политике партии должен быть обеспечен необходимым уровнем деловой квалификации, теоретической подготовки руководящих работников.

Особое значение в современных условиях приобретает идейно-теоретическое образование кадров. И чем выше уровень идейной убежденности, духовной и нравственной зрелости, деловой и профессиональной подготовки партийных, советских и хозяйственных кадров, тем плодотворнее их политическая и практическая деятельность, тем яснее они видят перспективы, квалифицированное руководят созидательным трудом советских людей. Чтобы не отстать от жизни, все наши кадры должны постоянно учиться, повышать свой идейно-теоретический уровень, овладевать достижениями науки и передовой практики.

Одной из форм подготовки и воспитания руководящих партийных и советских кадров являлась организационно оформленная в годы восьмой пятилетки система постоянно действующих курсов. Выполняя решения XXIII съезда КПСС, ЦК партии 27 декабря 1966 года принял постановление «Об организации постоянно действующих курсов по переподготовке руководящих партийных и советских кадров»¹. Создавая широкую сеть таких курсов, ЦК КПСС провел четкую дифференциацию в системе обучения по уровню руководящей работы и по профилю деятельности слушателей. В Москве на базе ВПШ при ЦК КПСС началась переподготовка секретарей и заведующих отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, первых секретарей горкомов партии крупных городов, советских работников этого же звена, редакторов областных и республиканских газет.

Были созданы и постоянно действующие курсы при центральных комитетах компартий всех союзных республик — с месячным сроком обучения — секретарей горкомов, райкомов партии, председателей исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся, редакторов городских и районных газет. В Белоруссии начали работать постоянно действующие курсы при всех шести обкомах партии. На них повышали квалификацию и идейно-теоретическую подготовку освобожденные секретари первичных партийных организаций, заведующие отделами, инструкторы горкомов и райкомов партии, заместители председателей, секретари исполкомов городских и районных Советов, заместители редакторов городских, районных и редакторы многотиражных газет, председатели сельских и поселковых Советов.

Дифференциация курсовой системы, состоящей из общесоюзного, республиканского и областного звеньев, давала возможность реально учитывать интересы всех категорий партийных и советских работников, охватить учебой широкий круг руководящих кадров. Всего, начиная с момента создания курсов и до конца восьмой пятилетки, на постоянно действующих курсах при ЦК КПСС прошли переподготовку 234 руководящих партийных и советских работника Белоруссии. Координация всей учебно-методической работы была возложена на ВПШ при ЦК КПСС. В этих целях в ВПШ был создан учебно-методический совет из числа руководителей курсов, партийных работников, опытных преподавателей.

По рекомендации ЦК КПСС на всех областных курсах были созданы учебно-методические советы. Всю работу советы проводили под руководством обкомов КПБ и в тесном контакте с кафедрами вузов. В задачу учебно-методических советов входило: участие в методическом обеспечении учебного процесса, обсуждение вопросов состояния и повышения уровня чтения лекций; проведение семинарских и практических занятий, обмен опытом работы; разработка и внедрение в учебный процесс новых,

активных форм занятий и другие. Выполняя рекомендации ЦК КПБ, обкомы партии приглашали для работы на курсах ведущих ученых вузов и научных учреждений, ответственных партийных, советских и хозяйственных работников.

Одним из основных направлений повышения действенности учебы на курсах являлось дальнейшее совершенствование организации обучения партийных и советских работников с учетом специфики их деятельности. С этой целью учебные потоки комплектовались однородным или близким по профилю работы составом слушателей. Весь процесс курсовой переподготовки руководящих партийных и советских кадров строился в соответствии с учебным планом, рекомендованным ЦК КПСС. Слушатели изучали проблемы истории и политики КПСС, марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, политической экономии, международного коммунистического и рабочего движения, партийного и советского строительства, основы научного управления социалистической экономикой. Особое место отводилось изучению проблем партийного строительства, организаторской и воспитательной работе, ленинским принципам партийного руководства и другим вопросам. Тематика и конкретное содержание лекций, семинарских занятий и других форм учебного процесса в значительной мере определялись профилем работы слушателей и текущими задачами, решаемыми в республике, области.

ЦК Компартии Белоруссии, обкомы КПБ уделяли большое внимание вопросам совершенствования организации учебного процесса на курсах, уточнению содержания лекций и семинарских занятий, подбору профессорско-преподавательского состава и т. д. С содержательными лекциями в 1968—1970 годах по партийному строительству и практике партийного руководства народным хозяйством 59 раз выступали на республиканских курсах секретари, члены и кандидаты в члены Бюро ЦК КПБ, 126 лекций прочитали заведующие и заместители заведующих отделами ЦК Компартии Белоруссии². Постоянное руководство курсами осуществляли обкомы партии. Так, 3 сентября 1968 года бюро Минского обкома КПБ рассмотрело вопрос об итогах работы курсов за первый год, бюро Брестского обкома партии заслушало информацию о проведении первого созыва курсов и т. д.³

Главную часть курсовой переподготовки составляли лекции, на них отводилось основное учебное время. Специфика деятельности курсов создавала известные трудности в чтении лекций. На лекции в месяц отводилось из 150 часов всех занятий приблизительно 120 часов. Это позволяло рассматривать лишь узловые проблемные темы всех разделов учебного плана курсов. С целью активизации работы слушателей отдельные лекции читались непосредственно на предприятиях, в колхозах, совхозах, в райкомах партии и райисполкомах. Например, на Могилевском заводе искусственного волокна имени В. В. Куйбышева перед слушателями выступили главный инженер завода В. М. Ким, главный экономист завода А. Г. Цедик. На Бобруйском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина директор завода Г. С. Югов, секретарь парткома завода А. Б. Подольский поделились опытом работы партийной организации по руководству социалистическим соревнованием, по внедрению новой техники, увеличению производства выпускаемой продукции и повышению ее качества. Наряду с лекциями решающим фактором активизации слушателей являлась самостоятельная работа по изучению рекомендованной литературы. Действенной формой закрепления и углубления знаний слушателей являлись семинары, которые проводились с учетом контингента слушателей. Семинарские занятия позволяли углублять и закреплять знания, полученные на лекциях, служили проверкой самостоятельной работы слушателей над изучаемой проблемой, давали направление для практической деятельности.

Руководители курсов обязательно проводили выездные практические занятия. Они проводились непосредственно в горкомах, райкомах КПБ, на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, научных учреждениях. Слушатели республиканских курсов, например, знакомились с жизнью коллективов Минского автозавода, совхозов «Рассвет» Минского и «Любань» Вилейского районов, изучали работу Вилейского горкома, Молодечненского горкома и райкома партии.

Учебный план курсов отличался комплексностью, в нем соблюдался принцип единства всех его составных частей. Перед семинарскими занятиями читался необходимый цикл лекций. Лекции, семинарские и прак-

тические занятия объединялись единством цели: теснее связать теорию с практической партийной работой. Интересно и плодотворно проводился на курсах обмен опытом партийной и советской работы. Темы выступлений слушателей обычно определялись положительным опытом, накопленным районом или городом. Так, опытом организации массово-политической работы по месту жительства населения в Ленинском районе Могилева поделилась со слушателями секретарь райкома КПБ по идеологии В. Рогач. Об опыте руководства Вилейского районного Совета депутатов трудящихся сельскими Советами рассказал председатель райисполкома П. И. Галецкий. Действенными средствами закрепления теоретических знаний, их использования для анализа процессов социальной и духовной жизни служили также экскурсии, посещение музеев, театров, встречи с учеными, писателями, композиторами, художниками, артистами, кинематографистами, журналистами.

Партийные комитеты, руководство курсов уделяли большое внимание подбору преподавательского состава. Для проведения занятий на республиканских и областных курсах приглашались руководящие партийные и советские работники, преподаватели Минской ВПШ и вузов, деятели науки и искусства, специалисты народного хозяйства. На республиканских курсах, например, в 1967 году было занято 55 преподавателей, выступали 3 академика, 5 докторов, 25 кандидатов наук, 2 лектора из Москвы⁴. Со слушателями встречались секретари ЦК КПБ Ф. А. Сурганов, Д. Ф. Филимонов, С. А. Пилотович.

Минским обкомом партии с первого дня работы курсов были подобраны и утверждены лекторы, руководители семинарских и практических занятий из числа ответственных работников обкома, облисполкома, ученых научно-исследовательских и учебных институтов города. Среди них 40 кандидатов наук, 8 заведующих кафедрами, 4 руководящих работника научно-исследовательских институтов⁵.

В практической деятельности по переподготовке руководящих партийных и советских кадров КПБ постоянно руководствовалась указаниями В. И. Ленина о том, что «без известного самостоятельного труда ни в одном серьезном вопросе истины не найти, и кто боится труда, тот сам себя лишает возможности найти истину»⁶. Достижению этих целей способствовали и теоретические конференции, регулярно проводившиеся на курсах. Заслуживает внимания опыт работы курсов при Минском и Гродненском обкомах КПБ. Они провели конференции: «О ленинском стиле в партийной и государственной работе», «Научная организация труда работников партийного и советского аппарата» и другие. Слушатели, готовясь к конференциям, много работали над первоисточниками, накапливали опыт обобщения материала, публичных выступлений.

В годы восьмой пятилетки партийные комитеты Белоруссии проделали огромную работу по переподготовке партийных и советских кадров. Об этом свидетельствуют следующие данные. За 1967—1970 годы курсовую переподготовку в стране прошли около 256 тыс. партийных, советских, комсомольских, газетных и других работников, в том числе на республиканских курсах при ЦК Компартии Белоруссии и постоянно действующих курсах при 6 обкомах КПБ — 8115 человек⁷.

Вооружение слушателей системы переподготовки руководящих партийных и советских кадров прочными знаниями в области марксистско-ленинской теории, обучение ленинскому стилю и искусству работы в массах способствовало творческому росту и стабильности партийных и советских кадров республики, создавало хорошие предпосылки для успешного решения задач восьмой пятилетки. Ленинское указание о том, что партия руководит через свои кадры, через тесную связь их с массами четко и последовательно выполнялось партийными комитетами республики. Курсы, созданные в годы восьмой пятилетки, в настоящее время преобразованы в постоянно действующие курсы повышения квалификации партийных и советских работников и продолжают успешно работать.

¹ См.: Справочник партийного работника.— М., 1967, вып. VII, с. 317.

² См.: Советская Белоруссия, 1971, 28 марта.

³ См.: ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 65, д. 20, л. 98; ПА Брестского ок КПБ, ф. 1, оп. 23, д. 64, л. 20.

⁴ См.: ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 627, оп. 1, д. 98, л. 25.

⁵ См.: ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 65, д. 20, л. 90.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 68.

⁷ См.: Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах 1918—1978.— Минск, 1978, с. 200.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛОРУССИИ ПО ПРАВОВОМУ ВОСПИТАНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ (1971—1975)

Коммунистическая партия в начале 70-х годов разработала широкую программу правового воспитания советских людей, которая успешно превращается в жизнь. Важную роль в улучшении этой работы сыграло Постановление ЦК КПСС от 15 сентября 1970 года «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся». ЦК КПСС обязал партийные, советские и административные органы, министерства и ведомства обеспечить улучшение работы по пропаганде советского законодательства, полнее использовать наиболее эффективные формы и методы правового воспитания¹. Аналогичное постановление принято директивными органами Белоруссии.

Выполняя эти постановления, партийные организации республики разрабатывали конкретные мероприятия по улучшению правового воспитания трудящихся. Значительный интерес представляют мероприятия Минского городского комитета Компартии Белоруссии, которые предусматривали: создание на предприятиях, стройках, в учреждениях, организациях, при домоуправлениях, в домах культуры юридических консультаций на общественных началах; организацию систематической учебы по правовым вопросам членов ДНД, товарищеских судов и других общественных формирований, связанных с укреплением правопорядка; расширение сети лекториев, народных университетов правовых знаний; создание районных молодежных лекториев «Общество, человек и закон»; усиление пропаганды правовых знаний газетой «Вечерний Минск»².

Партийные организации осуществляли и постоянный контроль за выполнением мероприятий. Так, 12 октября 1971 года бюро Витебского обкома КПБ, рассмотрев вопрос «Об организации правового воспитания трудящихся и состоянии правовой работы на предприятиях, в колхозах и совхозах Глубокского района», отметило, что районный комитет партии, исполком райсовета стали больше уделять внимания повышению роли и активности общественных организаций в борьбе с нарушениями общественного порядка, правовому воспитанию. В районе был создан университет правовых знаний, действовало 5 информационно-пропагандистских групп, которые активно проводили правовую пропаганду. Только за семь месяцев 1971 года в районе было прочитано 495 лекций и докладов, проведено 905 бесед на правовые темы. Отметив успехи в проведении этой работы, бюро обкома КПБ указало и на недостатки, внесло конкретные предложения по их устранению³.

В годы девятой пятилетки широкое распространение получили народные университеты правовых знаний, в которых много внимания уделялось совершенствованию организации учебного процесса. Наряду с лекциями и докладами в них стали широко практиковаться семинарские занятия, подготовка рефератов, вечера вопросов и ответов, консультации, научно-практические конференции. Интересно и содержательно велась учеба в Лидском районном университете правовых знаний Гродненской области. Здесь работали 4 факультета: советского строительства, профсоюзного актива, командиров ДНД и председателей товарищеских судов, активистов народного контроля. В университете и двух его филиалах занималось 549 слушателей. Занятия проводились по всесторонне продуманной программе, утвержденной бюро райкома КПБ⁴.

Численность университетов правовых знаний с каждым годом увеличивалась. Если в 1971/1972 учебном году в республике их было 149, то в 1975/1976 году — 192⁵. XXV съезд КПСС указал на необходимость и дальше «развивать народные университеты, совершенствовать их деятельность»⁶.

Важную роль в правовом воспитании трудящихся Коммунистическая партия отводила и отводит средствам массовой информации и пропаганды. Возросло количество публикуемых в печати материалов на правовые темы, количество радио- и телевизионных передач. Например, если в годы восьмой пятилетки газета «Советская Белоруссия» поместила около 170 материалов на правовые темы, то за 1971—1975 годы — уже более 240. Повысился качественный уровень публикаций, более совершенными стали их тематическая направленность и содержание. В республиканских, областных, районных газетах появились специальные рубрики

«Человек и закон», «Правовые знания — в массы», «Слушается уголовное дело» и другие.

Активизировали работу по пропаганде правовых знаний радио и телевидение республики. В конце 1970 года в эфир вышел журнал республиканского радиовещания «Закон и мы». В передачах разъяснялось административное, гражданское, трудовое, уголовное законодательство, рассказывалось о деятельности народных университетов правовых знаний, о работе товарищеских судов. Об актуальности правовых вопросов, поднятых в радиожурнале, свидетельствовали названия передач: «Пьянству — бой», «Вы — свидетель», «Подросток и закон» и другие. Немало интересного о работе советской милиции, о роли общественности в борьбе с правонарушениями рассказывалось в ежемесячной радиопередаче «Всегда на страже». Большую роль в правовом воспитании сыграли и тематические передачи Белорусского телевидения. Это тележурналы «Наша почта», «Пьянству — бой», «Подросток рядом с тобой», «Азбука права».

Партийные органы контролировали и направляли работу комитетов по телевидению и радиовещанию, редакций газет и журналов, обсуждали и утверждали планы их работы. Например, на бюро Витебского обкома КПБ 26 сентября 1972 года был рассмотрен тематический план работы редакции областной газеты и областного комитета по телевидению и радиовещанию на октябрь — декабрь 1972 года⁷.

Большое значение в правовом воспитании имеет лекционная пропаганда, объем и уровень которой в годы девятой пятилетки значительно возросли. Так, если в 1973 году членами республиканского общества «Знание» была прочитана 39241 лекция по вопросам государства и права, то в 1974 году их количество возросло до 40728, а в 1975 году было прочитано свыше 43 тыс. лекций⁸.

Проявляя заботу о повышении эффективности лекционной пропаганды в правовом воспитании трудящихся, партийные организации стали широко привлекать к ее проведению работников правоохранительных органов. В результате значительно повысилась их роль в правовом воспитании трудящихся. Только в 1973 году состоялось свыше 70 тыс. выступлений работников правоохранительных органов перед трудящимися республики⁹.

Значительную роль в активизации пропаганды правовых знаний сыграли смотры-конкурсы. Например, если в республике за период с 1 июня 1973 года по 1 июня 1974 года только для молодежи было прочитано 23489 лекций на правовые темы, то в период смотра с 1 июня 1974 по 1 июня 1975 года — 26523¹⁰.

В 1971 году в Белоруссии были созданы координационно-методические советы по правовой пропаганде. Партийные органы контролировали их работу. Так, 26 октября 1971 года бюро Минского обкома КПБ рассмотрело вопрос «Об утверждении состава координационно-методического совета по пропаганде правовых знаний и разъяснению законодательства среди населения». В состав совета вошли представители партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций, а также работники органов внутренних дел, суда и прокуратуры¹¹. Аналогичные советы были созданы во всех областях и районах республики.

В годы девятой пятилетки широко использовались и такие формы пропаганды правовых знаний, как юридические лектории, вечера вопросов и ответов, «дни правовых знаний», общественные юридические консультации, «дни юриста» и другие. Партийные организации Белоруссии накопили значительный опыт работы по пропаганде правовых знаний. Анализ этой работы показывает, что она приобрела известную целеустремленность, конкретность, стала охватывать своим влиянием более широкий круг населения, способствовала сокращению преступности и более активному участию трудящихся в укреплении общественного порядка.

¹ См.: Вопросы идеологической работы КПСС: Сб. документов.— М., 1972, с. 283.

² ПА Минского ок КПБ, ф. 69, оп. 9, д. 13, л. 66—70.

³ ПА Витебского ок КПБ, ф. 1, оп. 122, д. 34, л. 137—145.

⁴ См.: Гродненская правда, 1974, 15 мая.

⁵ См.: Саркисова Э. А. и Чередниченко А. Ф. Правовое воспитание трудящихся.— Минск, 1977, с. 55.

⁶ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 221—222.

⁷ См.: ПА Витебского ок КПБ, ф. 1, оп. 124, д. 27, л. 154, 155, 163.

⁸ См.: Саркисова Э. А. и Чередниченко А. Ф. Указ. работа, с. 42.

⁹ См.: Коммунист Белоруссии, 1974, № 11, с. 28.

¹⁰ См.: Саркисова Э. А. и Чередниченко А. Ф. Указ. работа, с. 87.

¹¹ ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 67, д. 51, л. 127, 159.

Ю. В. ЧУРМАКОВ

ИЗ ОПЫТА СЕПГ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ ТРУДЯЩИХСЯ (1971 — 1975)

Социалистическая единая партия Германии, определяя перспективы развития общества, провозгласила на VI съезде (1963) курс на развернутое строительство социализма¹. В 1967 году VII съезд СЕПГ констатировал, что в республике заложен прочный фундамент социализма и выдвинул задачу построения социалистического общества как единого социального организма². Осуществление социально-экономической, политической и идеологической программы и совершенствование стиля партийной работы сопровождалось расширением теоретических исследований по проблемам построения развитого социализма в ГДР. Важное место в определении перспектив социалистического строительства в республике занял VIII съезд СЕПГ (июнь 1971), решения которого явились существенным вкладом в концепцию развитого социализма.

Развитие теории научного коммунизма и практические задачи социалистического строительства повысили требования к совершенствованию марксистско-ленинского образования. СЕПГ накопила богатый опыт организации политической учебы коммунистов, которая проводится на общих собраниях первичных организаций, в процессе самообразования, в кружках и семинарах системы партийного просвещения и в партийных школах.

Ведущим средством развития политической инициативы коммунистов и беспартийных активистов является учебный год в системе партийного просвещения СЕПГ. Учитывая это, партия совершенствовала содержание, структуру и методику пропаганды революционной теории в кружках и семинарах. Особое внимание СЕПГ уделила развитию системы партийной учебы в 70-е годы. Во-первых, окончательное крушение политической и дипломатической блокады ГДР в эти годы сопровождалось дальнейшей активизацией идеологических диверсий империализма и повысило требования к качеству обучения коммунистов. Во-вторых, в связи с возрастанием роли теории на этапе строительства развитого социализма и окончательным переходом СЕПГ к комплексному решению социально-экономических, политических и идеологических задач повысились требования к научному уровню организации учебного процесса в системе партийного просвещения. В-третьих, укрепление социалистического сектора экономики республики в первой половине 1972 года путем передачи в народную собственность предприятий с государственным участием, частных промышленных и строительных предприятий, а также работавших на индустриальной основе производственных кооперативов ремесленников потребовало ускоренного совершенствования всей системы социалистического воспитания граждан ГДР. Эффективность идеологической работы партии зависела прежде всего от уровня политической зрелости коммунистов, 45% которых было моложе 40 лет³.

Новым проявлением заботы партии о совершенствовании марксистско-ленинского образования явилось принятое 14 сентября 1971 года постановление Политбюро ЦК СЕПГ «Основные задачи учебного года в системе партийного просвещения и его дальнейшее развитие в 1971—1975 гг.» Постановление определило единую систему взаимосвязанных звеньев учебного года: марксистско-ленинское обучение кандидатов в члены партии, кружки по изучению основ марксизма-ленинизма, семинары, циклы лекций и занятия на вечерних курсах партийных организаций по месту жительства.

Кандидаты в члены партии знакомились с марксистско-ленинским учением о всемирно-исторической роли рабочего класса и партии нового типа, с основами молодежной политики СЕПГ, изучали теоретические проблемы строительства развитого социализма, разработанные VIII съездом партии. В 1974/1975 учебном году Секретариат ЦК СЕПГ включил в план занятий два дополнительных вопроса: всемирно-историческое зна-

чение победы Советской Армии над гитлеровским фашизмом и агрессивная политика реакционных кругов ФРГ⁴.

Слушатели кружков и семинаров начинали учебный год с обсуждения общего вопроса по определенной проблеме. Так, в октябре 1972 года они рассмотрели тему «СССР — ведущая сила общественного прогресса в мире. Образование и успешное развитие СССР — триумф ленинской национальной политики социалистического интернационализма»⁵.

В кружках по изучению основ марксизма-ленинизма программа курса была рассчитана на четыре учебных года в соответствии с изучаемыми дисциплинами: диалектический и исторический материализм, политическая экономия капитализма и политическая экономия социализма. В 1971—1975 годах основами марксистско-ленинской теории овладели 430 тыс. членов и кандидатов партии⁶. Впервые в практике деятельности кружков был осуществлен переход к комплексным методам пропаганды марксизма-ленинизма. Новая структура этого звена учебного года значительно повысила теоретический уровень и усилила идейно-политическую направленность учебного процесса.

В 70-е годы в сети партийного просвещения завершился процесс перехода к систематическому изучению всех составных частей марксизма-ленинизма; начиная с 1973 года стали действовать семинары по научному коммунизму. Пропагандисты знакомили слушателей с проблемами социалистического строительства и закономерностями развития мировой социалистической системы, с вопросами коммунистического воспитания трудящихся и возрастания руководящей роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии. Семинары приобрели большую популярность. Только за два года курс обучения в них закончили 350 тыс. коммунистов и беспартийных⁷.

Большое значение для идеологической закалки коммунистов ГДР имело обобщение опыта КПСС по руководству социалистическим строительством. СЕПГ пришла к выводу о необходимости наряду с изучением произведений В. И. Ленина и документов братской партии возобновить деятельность семинаров по истории КПСС как самостоятельную форму изучения основных этапов истории боевого авангарда советского народа: от борьбы за создание партии нового типа до практического осуществления решений XXIV съезда КПСС. Учебный курс базировался на двухгодичной программе, которая не претерпела конструктивных изменений в течение пяти лет. Семинары стали одной из самых массовых форм политического образования: 480 тыс. коммунистов изучили исторический опыт КПСС⁸.

Утвержденная VIII съездом СЕПГ экономическая стратегия партии на новый этап социалистического строительства потребовала от коммунистов совершенствования знаний по теоретическим основам политической экономии социализма. Семинары по политической экономии социализма и экономической политике СЕПГ продолжили изучение теории, тесно увязывая ее с работой первичных организаций по осуществлению политико-экономических задач. Особое внимание СЕПГ обратила на совершенствование знаний беспартийных руководящих кадров государственного и хозяйственного аппарата. Учебная программа семинара подразделялась на два двухгодичных цикла, содержание которых не повторяло друг друга. Этой формой марксистско-ленинского образования было охвачено 950 тыс. членов СЕПГ и беспартийных⁹. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК СЕПГ программа семинара по изучению марксистско-ленинской организационной науки дополнялась теоретическими проблемами стратегии и тактики партии в период построения развитого социалистического общества. Руководители партийно-государственного аппарата и общественных организаций впервые стали слушателями циклов лекций по фундаментальным теоретическим проблемам политики партии и ее борьбы за единство и сплоченность коммунистического и рабочего движения. На лекциях, семинарах и коллоквиумах они обсуждали проблемы обострения идеологической борьбы на современном этапе и вопросы молодежной политики СЕПГ, рассматривали задачи партийных организаций по развитию социалистического соревнования и совершенствованию планирования народного хозяйства республики. Перед началом учебного года Секретариат ЦК СЕПГ постоянно обновлял тематику лекций, слушателями которых ежегодно были 24 тыс. коммунистов и беспартийных¹⁰. При домоуправлениях и в селах изучали революционную теорию на вечерних курсах 180 тыс. беспартийных активистов и коммунистов первичных организаций¹¹. В 1971—1975 годах во всех звеньях учебного года в системе пар-

тийного просвещения СЕПГ занимались 1,3 млн. членов и кандидатов в члены партии и 226 тыс. беспартийных активистов¹². Впервые в практике организации теоретической учебы коммунистов для слушателей всех кружков и семинаров были изданы учебники, многие из которых созданы совместно учеными СССР и ГДР.

СЕПГ уделяла постоянное внимание правильному подбору и квалифицированной подготовке пропагандистских кадров: если в 1970/1971 учебном году в системе партийного просвещения только 46% руководителей кружков и семинаров прошли подготовку на курсах при партийных школах, то к началу 1976 года этот показатель уже достигал 75%¹³. С целью совершенствования методической и теоретической подготовки пропагандистов учебные центры СЕПГ при окружных комитетах партии начали создавать в 70-е годы два типа учебных курсов: трехгодичный и одногодичный. Учебная программа включала изучение марксистско-ленинской теории и приобретение методико-педагогических навыков пропагандистской работы.

Закономерный процесс возрастания руководящей роли СЕПГ на этапе строительства развитого социализма нашел отражение в совершенствовании всех звеньев учебного года в системе партийного просвещения.

¹ См.: Ульбрихт В. Программа социализма и историческая задача СЕПГ.— Программа Социалистической единой партии Германии.— М., 1963, с. 282.

² См.: VII съезд Социалистической единой партии Германии.— М., 1968, с. 718.

³ См.: VIII съезд Социалистической единой партии Германии.— М., 1972, с. 75.

⁴ Neuer Weg, 1974, Н. 8, S. 360.

⁵ Ibid, 1972, Н. 11, S. 504—506.

⁶ Ibid, 1976, Н. 7, S. 817.

⁷ См.: Einheit, 1976, Н. 7, S. 817.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² См.: Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands: Abriss.— Berlin, 1978, S. 607.

¹³ См.: Einheit, 1974, Н. 11, S. 1227; 1976, Н. 7, S. 817.

В. Ф. МАСЛЮКОВ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ — ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КУБЫ

Компартия Кубы постоянно уделяет огромное внимание претворению в жизнь принципов пролетарского интернационализма. Наряду с поддержкой прогрессивных сил в Латинской Америке кубинцы солидарны также и с народами других континентов, борющихся за освобождение от колониального гнета.

В 60-е годы кубинские революционеры считали, что латиноамериканский континент находится на заключительном этапе созревания революционной ситуации. В то время ими абсолютизировались партизанские формы борьбы и игнорировались другие, например, массовое рабочее движение. Эта позиция I съездом Коммунистической партии Кубы признана ошибочной.

В дальнейшем развитие революционного процесса убедительно продемонстрировало необходимость учета разнообразия социально-экономических условий каждой латиноамериканской страны, а следовательно, и выбора необходимых форм борьбы. К концу 60-х годов позиция Кубы изменяется. В соответствии с положениями и выводами Международного Совещания коммунистических и рабочих партий и решениями I съезда партии была разработана новая политика и формы сотрудничества, учитывавшие как специфику латиноамериканской действительности, так и общие закономерности.

Опыт коммунистов Кубы по проведению в жизнь марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма представляет значительный научный и практический интерес. Тема эта пока мало исследована.

На I съезде Компартии Кубы было отмечено: «Пролетарский интернационализм выражается прежде всего в неприменном единстве и сплоченности тех, кто во всех уголках мира поднял знамя Маркса, Энгельса, Ленина и кто отдает свои собственные силы и собственную жизнь делу осуществления революционной программы, которую они выдвинули перед человечеством»¹.

Форум кубинских коммунистов явился крупнейшим событием в мировом коммунистическом движении. Идеи интернационализма буквально пронизывали всю работу съезда. Прибытие представительных делегаций 85 коммунистических, национально-демократических партий и национально-освободительных движений свидетельствовало о высоком авторитете кубинских коммунистов «как в масштабах Латинской Америки, так и в рамках мирового революционного движения»². В выступлениях глав делегаций братских партий высоко оценивался вклад кубинских коммунистов в дело солидарности с борющимися народами. «Принципиальная и последовательная политика в защиту священного права на свободу и независимость, против империалистического вмешательства в их дела снижала первому социалистическому государству в Латинской Америке, — отмечал глава делегации Коммунистической партии Советского Союза секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, — высокий авторитет и среди близких по языку и истории латиноамериканских стран, и во всем мире»³.

В Конституции Кубы (1976) пролетарский интернационализм зафиксирован как неотъемлемая обязанность и право кубинских граждан. В преамбуле Основного закона говорится об «опоре на пролетарский интернационализм, братскую дружбу, помощь и сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами и на солидарность трудящихся и народов Латинской Америки и всего мира». Принцип социалистического интернационализма закрепляется как основополагающий в отношениях с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества⁴.

В Программной платформе кубинских коммунистов одним из важнейших критериев оценки пролетарского интернационализма выдвинуто отношение к Советскому Союзу и другим братским странам. В ней ставится задача разоблачать подрывные антисоветские кампании, подчеркивается решающая роль советского народа в борьбе за социальный прогресс во всем мире и в создании благоприятных условий для окончательного освобождения угнетенных народов. В выступлениях кубинских руководителей в печати, а также с трибуны партийного съезда прозвучало немало слов благодарности в адрес Советского Союза.

Плодотворно развиваются связи республики и с другими братскими странами. В рамках СЭВ, членом которого Куба является с 1972 года, ведется разработка целевых программ сотрудничества, способствующих динамическому развитию экономики страны и ускорению процесса экономической интеграции. Общий товарооборот Кубы со странами социалистического содружества имеет постоянную тенденцию к увеличению: 1970 — 1525 млн. руб., 1974 — 2371, 1975 — 3264, 1976 год — 3534 млн. руб.⁵ Куба расширяет связи и сотрудничество с социалистическими странами в политике, культуре, спорте.

Направляя усилия партии и всего народа на быстрее создание материально-технической базы социализма, Куба выполняет свой интернациональный долг и по отношению к мировому революционному движению: «С завершением строительства социализма кубинский народ выполнит свой исторический долг перед мировым пролетариатом и народами Латинской Америки, состоящий в построении на Американском континенте социалистического общества»⁶.

Важное место в деятельности кубинских коммунистов занимают межпартийные и межгосударственные связи в Латинской Америке. I съезд партии определил основные формы сотрудничества со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, призвал устанавливать «с ними взаимовыгодные экономические связи с перспективой последующей интеграции и политического единства народов региона»⁷. Это значит, что кубинские коммунисты полностью признают необходимость учета специфических условий развития каждой страны региона, что было отмечено в Декларации Совещания коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна (1975). В Декларации Совещания, а затем в документах съезда отмечалось, что существуют благоприятные предпосылки для дальнейшего сплочения коммунистического движения на кон-

тиненте⁸. Ф. Кастро указал на тот факт, что страны Америки не стоят сейчас на пороге глобальных изменений, которые привели бы к быстрым социалистическим преобразованиям.

Благодаря гибкой политике и учету всех особенностей революционной борьбы на континенте позиции Кубы в Латинской Америке заметно упрочились, несмотря на многолетние усилия США добиться ее изоляции. В последние годы особенно вырос авторитет республики в национально-освободительном движении. Она прочно заняла лидирующее положение в движении неприсоединившихся государств, свидетельством чему является проведение в Гаване VI Конференции глав государств и правительств.

Интернационалистский курс кубинской революции по отношению к национально-освободительному движению был сформулирован еще в Гаванских декларациях. В этот период оказывалась помощь алжирским патриотам. В Конго кубинские советники во главе с Че Геварой помогли создать национальные вооруженные силы. В 70-годы эффективная помощь, в том числе и военная, была оказана народам Анголы, Эфиопии, Мозамбика. Братская помощь этим странам не означает вмешательства в их внутренние дела. Отсутствуют и корыстные интересы, хотя империалисты всячески хотят их отыскать. «Если хотите понять, почему мы помогаем Анголе, — ответил на эти происки Фидель Кастро, — вам следует прочесть учебник по пролетарскому интернационализму»⁹.

Активная интернационалистская деятельность Кубы вызывает недовольство империалистических государств, в первую очередь США, которые выдвигают условием улучшения своих отношений с республикой отказ ее от помощи национально-освободительному движению. В 1976 году правительство США, в лице государственного секретаря Г. Киссинджера, выступило с прямыми угрозами в адрес Кубы. В интервью американскому журналу «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» он сказал, что американцы направят к берегам Кубы атлантический флот в составе 129 боевых кораблей и другую военную технику, если кубинцы немедленно не отзовут свои войска из Анголы¹⁰. В ответ на откровенный нажим американского правительства руководители Кубы заявили, что не откажутся от помощи борющимся народам Африки. Правая пресса пыталась изобразить события в Африке «делом рук Москвы», а самих кубинцев «агентами Москвы», обученными и вооруженными в СССР.

Значительное место в деятельности кубинских коммунистов занимает борьба против маоизма, за единство в коммунистическом движении как на латиноамериканском континенте, так и в других регионах. Компартия Кубы решительно разоблачает маоистские концепции о делении мира на богатые и бедные страны, о «двух империализмах», дает достойный отпор мелкобуржуазной идеологии и раскольнической деятельности руководителей Компартии Китая. В Программной платформе Коммунистической партии Кубы ставится задача: прилагать усилия для достижения единства в антиимпериалистической борьбе, сплачивая силы, которые борются за социальный прогресс.

Интернациональные обязанности коммунисты Кубы тесно связывают с решением задач социалистического строительства в своей стране. VIII пленум ЦК Коммунистической партии Кубы (май 1979) подтвердил правильность курса партии на ускоренное строительство материально-технической базы социализма, на оказание всемерной помощи народам, которые ведут борьбу за свое полное освобождение, еще раз подчеркнув, что пролетарский интернационализм является краеугольным камнем деятельности партии.

«Куба есть и будет другом Советского Союза и всех социалистических государств. Куба стоит и будет стоять на позициях интернационализма», — заявил в отчетном докладе II съезду Компартии Кубы товарищ Фидель Кастро¹¹.

¹ I съезд Коммунистической партии Кубы.— М., 1976, с. 223.

² Там же, с. 12.

³ Там же, с. 247.

⁴ См.: Конституция Республики Куба.— М., 1977, с. 17, 21.

⁵ См.: Латинская Америка, 1978, № 6, с. 111.

⁶ I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 323.

⁷ Там же, с. 356.

⁸ См.: Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм.— М., 1975, с. 55.

⁹ I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 272.

¹⁰ U. S. News and World report, 1976, April 5, p. 21.

¹¹ Правда, 1980, 19 декабря.

К. А. РЕВЯКО

Ф. ЭНГЕЛЬС О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ РИМЛЯН ЭПОХИ РЕСПУБЛИКИ

В государственном механизме Римской республики армия играла весьма важную роль. К. Маркс отмечал, что военная организация — это необходимое условие существования античной земельной собственности и самой общины¹. Ф. Энгельс выявил закономерности, выражающие зависимость вооруженных сил и военного искусства от характера и уровня производства, от социально-политических и моральных факторов. Он отмечал, что «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»².

Известно, что римская военная система окончательно сложилась к III веку до н. э. в результате многочисленных войн и ряда реформ. Основное ядро этой системы составлял легион. Он комплектовался исключительно из римских граждан в возрасте от 17 до 45 лет. Но обычно в войска отбирались люди помоложе, так как «обучение воина было очень суровым и было рассчитано на развитие в нем всеми возможными способами физической силы...»³ Система обучения каждого воина была еще более целенаправленной, чем спартанская. «Благодаря этому римляне побеждали любые вооруженные силы, выступавшие против них...»⁴

В Риме каждый гражданин, «если только он не принадлежал к самому низшему классу»⁵, был военнообязанным. Пролетарии, т. е. шестой разряд римских граждан, составляли, по данным источников, половину боеспособного мужского населения⁶. Они были отстранены от политической власти и военной службы. «Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, — поясняет Ф. Энгельс, — но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения»⁷.

Исследуя классическую организацию римского легиона, Энгельс показал, что вооружение воинов находилось в прямой зависимости от их имущественного положения. Боевое снаряжение воинов из состоятельных классов (гастатов, принципов и триариев) состояло из медных шлемов, кожаных панцирей, покрытых медными пластинками, и медных набедренников. Гастаты и принципы, кроме короткого меча, имели по два метательных копья (пилума) — одно легкое, другое очень тяжелое. Последнее явилось специфическим наступательным оружием римской пехоты. В легионе гастаты располагались в первой линии (шесть шеренг), принципы — во второй. И тех и других в легионе насчитывалось по 1200 человек, организованных в 10 манипул. «Триарии составляли резерв...»⁸. Это были самые богатые и самые старшие воины. Насчитывалось их в легионе 600 человек, организованных в 10 манипул.

Построение легиона в три линии делало его необычайно подвижным и боеспособным, что позволяло повторять атаку силами последующих линий, «вводимых в действие одна вслед за другой, в зависимости от требований момента»⁹. Легион мог завязать борьбу с противником по всей ширине фронта, на любой местности. Благодаря небольшим размерам тактических единиц и подвижности легион «стоял неизмеримо выше греческой фаланги»¹⁰. Высокая маневренность позволяла легиону начинать фронтальное движение любым флангом и подходить к неприятелю на близкое расстояние. Энгельс отмечал, что в решающий момент «моральный фактор, храбрость, здесь сразу же превращается в материальную силу...»¹¹

Основной ударной силой легиона была пехота. Даже Ганнибал во время второй Пунической войны вооружил и организовал свою пехоту по системе римской. В каждом легионе кроме пеших воинов насчитывалось не менее 300 всадников. Они включались «небольшими отрядами в состав легионов, никогда не образуя самостоятельного рода войск»¹².

В мирное время армия римлян была немногочисленной. Она состояла из двух консульских армий, в каждую из которых входило по два легио-

на, а также контингенты союзников. В случае неудач на поле боя римская армия отступала, скрываясь в лагере. «Римский лагерь видоизменялся в зависимости от времени года, продолжительности срока размещения в нем войск и числа легионов, а также характера местности и других обстоятельств»¹³. Римляне умело строили не только лагерь, но и другие оборонительные укрепления. Они, замечает Ф. Энгельс: «владели этим искусством даже в значительно большей степени, чем наши современные армии. Римские легионы, находясь вблизи неприятеля, каждую ночь окапывали свой лагерь»¹⁴. Римляне успешно осаждали города и крепости противника. Они разрушали стены крепостей при помощи таранов, безопасно приближались к стенам под защитой хорошо укрытых сверху галерей.

И все же римский легион начал утрачивать свои боевые качества и преимущества после второй Пунической войны (218—201 годы до н. э.). Отныне, пишет Ф. Энгельс, всеобщая воинская повинность стала почти неосуществимой из-за непрекращающихся войн и социальных перемен в Риме и во всей Италии. «Римская армия начала постепенно комплектоваться добровольцами из неимущих классов, образуя таким образом армию профессиональных солдат...»¹⁵ Римская конница перестала существовать, разделение пехоты на четыре разряда исчезло. Нужно было реорганизовать армию, и это осуществил Гай Марий. Армия по реформе Мария (107 год до н. э.) стала превращаться из гражданского ополчения в профессиональное войско. Была улучшена ее боеспособность. Она стала политической силой. Однако после Союзнической войны (91—88 годы до н. э.) боевые качества армии ухудшались. Ф. Энгельс объясняет это тем, что «право гражданства, а вместе с ним и обязанность нести военную службу, было распространено на всю Италию, и поэтому пригодных людей теперь оказывалось гораздо больше, чем требовалось»¹⁶. Исходя из решающей роли народных масс в истории, он дал оценку действительной роли выдающихся полководцев, личностей. Ф. Энгельс считает, что деятельность выдающихся полководцев определяется не свободным проявлением их воли, а материальными предпосылками, создателями которых являются в конечном счете народные массы. Революционизирующее влияние на развитие военного искусства оказывает «не «свободное творчество ума» гениальных полководцев..., а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам». И далее: «...вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники»¹⁷.

В трудах Ф. Энгельса нашло отражение состояние военного искусства древних римлян эпохи Республики, формы организации их вооруженных сил и способы их применения, характер военного искусства, которое определялось экономическими условиями, уровнем развития производительных сил и производственных отношений.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 465.

² Там же, т. 20, с. 171.

³ Там же, т. 14, с. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Дионисий Гал., IV, 18; 22; см. также: Нечай Ф. М. Патриции и плебей в ранний период Рима.— Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970, с. 9.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 129.

⁸ Там же, т. 14, с. 19.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Там же, с. 358.

¹¹ Там же, с. 318.

¹² Там же, с. 302.

¹³ Там же, с. 277.

¹⁴ Там же, с. 350.

¹⁵ Там же, с. 359.

¹⁶ Там же, с. 22.

¹⁷ Там же, т. 20, с. 171, 175.

А. С. КЛЕВЧЕНЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ КАНТА В БЕЛОРУССИИ (К 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума»)

Философские идеи родоначальника немецкой классической философии, предшественника философии марксизма Иммануила Канта распространяются в Белоруссии с конца XVIII века. В последующее время они становятся предметом оживленных дискуссий, специальных научных исследований, подвергаются критике как с позиций материализма, так и идеализма. Противоречивость философии Канта находила благоприятную социальную и идейную почву в Белоруссии, где социально-экономическое и духовное развитие осуществлялось в острой борьбе против феодализма в экономике и идеологии. Идеи Просвещения и новой философии, естественнонаучных знаний вступают в конфликт с религиозной идеологией, многочисленными идеалистическими учениями. Идейная борьба отражала острую классовую борьбу.

Крупнейшим культурным и научным центром Белоруссии, Литвы и Польши конца XVIII—начала XIX века был город Вильно. Виленский университет, в котором обучались белорусы, литовцы, поляки, представители других национальностей, поддерживал научные связи с многими университетами Западной Европы, в том числе и с Кенигсбергским, где свыше 25 лет работал профессор Кант. В это время он написал основные свои философские работы.

Одним из первых пропагандистов философии Канта в Белоруссии, Литве и Польше, переводчиком его произведений был Ю. В. Быховец (1778—1845). В 1796 году, т. е. через год после выхода в свет, он перевел на польский язык работу Канта «К вечному миру». В 1799 году в Кенигсберге выходит в свет на польском языке «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», изданная Кантом в 1784 году. Ю. В. Быховец выбрал из различных работ идеи Канта о способности разума, перевел их на польский язык и опубликовал в 1843 году в Вильно в виде книги «Искусство предупреждения болезней». Свои переводы Ю. В. Быховец снабжал вступительными статьями и подробными комментариями, в которых проводил мысль, что философия Канта является противоядием против сенсуализма и гедонизма. Идеи Канта о педагогике собраны и переведены на польский язык и изданы в Вильно в 1819 году Иваном Бобровским.

В Виленском университете в начале XIX века философия Канта пропагандируется довольно широко. Так, например, профессор университета Я. Г. Абихт читал лекции по философии Канта. Страстным поклонником Канта был Франтишек Вигура, который утверждал, что Кант «вернул человеку утраченное благодаря материализму и скептицизму достоинство»¹. Странники кантовского априоризма и агностицизма в Белоруссии и Литве, в Виленском университете находили солидную поддержку у философов Польши. Особенно страстно и активно выступали с пропагандой кантианства Ю. Шанявский, Ф. Яроньский.

В Белоруссии, Литве и Польше, несмотря на многочисленных сторонников, кантианство не стало господствующей философией. Его идеи использовали как идеалисты, так и материалисты. Первые брали из философии Канта априоризм, субъективизм и агностицизм, вторые—его мате-

риалистические, естественнонаучные идеи, критику субъективного идеализма, теологии. Противоречивость философии Канта, сочетание им в одной системе, как указывал В. И. Ленин, разнородных, противоположных философских направлений, примирение материализма с идеализмом, были причиной различного отношения к ней.

С позиций философии Просвещения критиковали Канта Ян Снядецкий (1756—1830) и Аниол Довгирд (1776—1835). Впервые против философии Канта Я. Снядецкий высказался в 1803 году, а развивал свою аргументированную критику в 1814—1820 годах. В работах «Философия человеческого рассудка», «О философии», «О метафизике» Я. Снядецкий выступил против кантовского априоризма и защищал материалистический сенсуализм в теории познания. Выясняя истоки трансцендентального идеализма, он указывает, что Кант возродил категории Аристотеля, некоторые из них он позаимствовал у Платона (чувственность, рассудок, разум, интуиция и др.), у Пифагора взял пространство и время². У Локка, Кондильяка, Лейбница Кант заимствовал идею разделения разума на чистый и эмпирический. Кроме того, поясняет Я. Снядецкий, Кант многое почерпнул из наследия субъективных идеалистов Дж. Беркли, Д. Юма и др. Ученый верно подметил, что философия Канта действительно была преемницей этих философских направлений. Однако он констатировал лишь простую преемственность, но не понял творческого, критического отношения немецкого философа к наследию прошлого.

В произведении «О философии» Я. Снядецкий указывает на четыре порока учения Канта. Во-первых, Кант выдвигает «раздутое недоверие свидетельству наших чувств»³. Вторым пороком философии Канта является то, что в ней рассматривается понятие о мыслящей душе как лишенной ощущений. «Глухой от рождения, — поясняет Я. Снядецкий, — не может иметь никакой мысли о музыке, а слепой — о цветах. Человек, лишенный ощущений, не способен даже ничего понимать. Вот почему язык всех общих истин есть и должен быть чувственным, так как его выражения взяты от предметов, вызывающих ощущения. Рассмотрение души в отрыве от ощущений приводит к идеализму»⁴. В-третьих, главная логическая ошибка Канта состоит в том, что «он из неправильного и воображаемого представления о состоянии человека делает выводы о естественном и общем его состоянии. Здесь Кант напоминает человека, который после сытного обеда разглагольствует о том, что для поддержания органической жизни нет никакой надобности в пище»⁵. И, наконец, четвертый порок философии Канта состоит в том, что он «совершенно не доказывает основных принципов своей науки, но берет их как якобы уже известные, в то время как они таковыми не являются»⁶.

Таким образом, Я. Снядецкий выступает против априоризма Канта, защищая опытный, чувственный источник познания. Он также решительно выступил против догматизма и бесплодных спекуляций в поисках сверхъестественных, всенаучных «начал». «Нет у человека никакой, — писал он, — даже самой общей мысли, которая не имела бы истока в ощущениях и которая в той или иной связи с ними вытекала бы из чистого разума»⁷. Я. Снядецкий был убежден, что из данных ощущений, из человеческого опыта черпается весь материал познания. Общие понятия, законы, математические аксиомы возникают на основе анализа и синтеза опытных данных. «Разум, опирающийся на опыт, наблюдения и чувственные впечатления, извлекающий из них силой рефлексии общие истины, от которых он снова доходит до феноменов, является реальной и благотворной силой в человеке, которая дана ему природой»⁸.

Я. Снядецкий подвергал критике и «категорический императив» Канта. Он указывал, что мораль и ее принципы носят исторический характер и не могут быть поняты вне изучения конкретных общественных отношений. Однако правильно критикуя кантовский априоризм и схематизм, субъективно-идеалистические тенденции, Я. Снядецкий не видел положительных моментов в философии Канта, его диалектики, постановки и попытки обоснования активности субъекта, роли логических средств в познании.

Большое внимание критике философии Канта и его последователей уделяет А. Довгирд. В 1817 году он подвергает обстоятельной критике кантианца Ф. Яроньского. Значительное место анализу философии Канта отводится Довгирдом в его труде «Лекции о присущих мышлению правилах или теоретическая или практическая логика»⁹, изданном в 1828 году в Полоцке. В отличие от Я. Снядецкого А. Довгирд с глубоким ува-

жением относится к Канту, называет его гениальным философом. Он видел в его философии как положительные, так и отрицательные моменты. Довгирд считал, что Кант совершил реформу в философии, в ходе которой поставил ряд важнейших проблем в теории познания. В частности, Довгирд разделял мнение Канта о том, что первостепенной задачей философии является достижение подлинного познания внешнего мира. Убеждала его аргументация Канта и в том, что человеческое познание содержит как объективные, так и субъективные элементы. Довгирд анализирует не только философию Канта, но и его последователей, прослеживает развитие основных его идей. Он правильно считал, что философия Канта становится источником развития различных школ идеализма. При этом последователи Канта нередко извращали его идеи.

А. Довгирд улавливал противоречивый характер философии Канта, соединение в ней материалистических и идеалистических моментов. Последние вызывали у него решительный отпор. Довгирд показывал, что трансцендентальная эстетика Канта приводит в конечном итоге к отрицанию объективной реальности. «Кант не предвидел выводов,— пишет А. Довгирд,— к которым он должен был привести своих читателей, когда утверждал, что пространство есть конечная форма чувственности...

Но так как внешняя реальность, по Канту, происходит из чистой формы чувственности, которой ничего подобного не может соответствовать в вещах в себе, то есть эти вещи, или ноумены, хотя Кант допускает их существование, согласно его же пожеланиям, не могут быть действительно внешними относительно человеческого разума. Но если они не являются таковыми, у кого же тогда не возникнет мысль, что они должны находиться в том же самом разуме, ибо где же еще найти для них место?»¹⁰.

Таким образом, А. Довгирд правильно улавливает субъективно-идеалистическую основу философии Канта. Он указывает, что ноумены действительно не являются внешними по отношению к сознанию человека, ибо вне внешней формы чувственности они не существуют. Поэтому Кант поступает непоследовательно, допуская их существование вне сознания. Не удовлетворяет А. Довгирда кантовский априоризм, понимание пространства и времени. Он на многочисленных фактах обосновывает их опытное происхождение, опровергая тем самым аргументацию Канта об априорности этих категорий. «Представление чистого пространства не может быть *argiori*, поскольку родилось из представления о полной протяженности»¹¹.

Время, согласно Канту, так же, как и пространство, является априорной формой чувственности. Окончательным выводом, который получил Кант, было утверждение, что «время есть форма внутренней чувственности или созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния; но он нам не объяснил, каким образом получается эта форма? Почему она должна соединяться в человеке со всеми внутренними и даже внешними явлениями?»¹².

Анализу трансцендентальной эстетики Канта Довгирд уделяет больше всего внимания. И это вполне понятно. Он считал, что именно в этом разделе «Критики чистого разума» Кант обосновывает исходные теоретические предпосылки своей философии, опираясь на которые, он пытается в трансцендентальной аналитике и диалектике окончательно устранили вещи в себе и провозгласить свой идеализм. Как последователю сенсуалистического материализма Довгирду было легче критиковать Канта по проблемам чувственного познания. Диалектика перехода от чувственного к рациональному познанию, сущность последнего ему как эмпирику-метафизику самому не была ясна. Поэтому он не понял диалектических идей, высказанных Кантом в последующих разделах «Критики чистого разума». Учение о противоречивости разума, т. е. об антиномиях, Довгирд называет совершенно ошибочным, унижающим достоинство человеческого разума. И это объясняется тем, что само мировоззрение Довгирда было противоречивым. Признание существования внешнего мира независимо от сознания человека сочеталось у него с обоснованием бытия бога, стремлением примирить науку и теологию.

Философские идеи Канта становятся предметом оживленных дискуссий на страницах газет «Минский листок» (1886—1902) и «Северо-Западный край» (1902—1905). Здесь эти идеи извращаются в духе неокантианства, соединения Маркса с Кантом. Либерально-буржуазные авторы использовали неокантианство в борьбе против научного социализма.

Окончательный удар по неокантианству нанес В. И. Ленин. Он показал, что неокантианцы в своем философском развитии пошли к более последовательному субъективизму, к защите религии, превратились в прислужников богословия, врагов науки и социального прогресса. С последовательно марксистских позиций философия Канта исследуется в советское время. В 20—30 годах различные ее проблемы анализируются в работах С. Я. Вольфсона, Б. Э. Быховского, Е. И. Боричевского и др. В работах белорусских исследователей отмечается положительное прогрессивное содержание философии Канта, прослеживается развитие его воззрений, раскрываются противоречия его философии.

¹ Dür S. Jan Śniadecki.— Warszawa, 1956, t. 5, s. 98.

² Śniadecki Jan. Pisma filozoficzne.— Warszawa, 1958, t. 2, s. 192.

³ Снядецкий Ян. О философии: Избр. произвед. прогрессивных польских мыслителей.— М., 1956, т. 1, с. 632.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 633.

⁶ Там же.

⁷ Pisma Jana Śniadeckiego o filozofii Kanta.— Kraków, 1821, s. 51.

⁸ Снядецкий Ян. О философии, с. 652.

⁹ Dowgird A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna.— Połock, 1828.

¹⁰ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии.— Минск, 1962, с. 456.

¹¹ Dowgird A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł., s. 219.

¹² Ibid, s. 234.

И. А. УЛЫБИН

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЕ ПОНЯТИЯ «НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ»

Формирование научного мировоззрения—важнейшая задача строительства коммунизма, сердцевина всей идеологической, политико-воспитательной работы. Поэтому партия и государство рассматривают ее как одну из актуальных проблем исследования. Понятно, что практическое решение проблемы во многом зависит от того, насколько хорошо, четко представляем мы сам феномен, т. е. содержание и структуру научного мировоззрения, а также процесс его формирования. К сожалению, единого мнения по этому вопросу пока нет.

Одни философы отождествляют научное мировоззрение с марксизмом-ленинизмом в целом¹. Нам такое отождествление представляется неправомерным. Дело в том, что марксизм—это самое прогрессивное, революционное учение. Мировоззрение же, как «обоснованно доказывается многими советскими философами, не есть какое-либо учение или наука»². Сторонники такого отождествления нередко ссылаются на слова В. И. Ленина («В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»³), как якобы подтверждающие правильность их точки зрения. Но ведь эти ленинские слова относятся не к определению и содержанию научного мировоззрения, а являются краткой характеристикой «Манифеста Коммунистической партии».

Кстати, и В. И. Ленин не отождествлял марксизм как учение с мировоззрением. Об этом убедительно свидетельствуют такие его высказывания, как «Учение Маркса... освещенное глубоким философским миросозерцанием»⁴, «система взглядов и учения Маркса... заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще»⁵ и другие. Но и противопоставлять научное мировоззрение марксизму, который является идеологической основой этого мировоззрения, нельзя.

Другая часть философов отождествляет научное мировоззрение с марксистско-ленинской философией на том основании, что последняя дает людям общий взгляд на природу, общество и сознание⁶. Эта точка зрения распространена так же широко, как и первая. Думается, что и такое отождествление неправомерно, ибо мировоззрение и философия не совпа-

дают ни по времени возникновения, ни по способу формирования, ни по форме отражения действительности. И десять тысячелетий назад люди обладали тем или иным мировоззрением, но тогда не было философии, она существует лишь около трех тысячелетий⁷. Мировоззрение формируется как в результате воздействия на сознание человека объективных условий, так и субъективных факторов, как стихийно, так и сознательно в процессе усвоения знаний. Философия же разрабатывается идеологами только сознательно, на основе уже сложившегося у них мировоззрения, которое выступает исходной посылкой мыслительного процесса. В частности, «Маркс подошел к изучению французского социализма и политической экономии уже с социалистическим мирозерцанием, и познавательной целью его было дать «теоретическое обоснование» этому мирозерцанию для «обеспечения» его исходной ценности»⁸. Философия как раз и является таким теоретическим обобщенным выражением мировоззренческих взглядов ряда идеологов и мыслителей.

Защищая взгляды К. Маркса от «критики» Е. Дюринга, Ф. Энгельс писал: «Это (взгляды Маркса — И. У.) вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение... Философия... здесь «снята», то есть «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»⁹. Из этого высказывания Ф. Энгельса видно, что он, во-первых, не отождествлял философию с мировоззрением, ибо слова «это вообще уже не философия, а просто мировоззрение» убедительно свидетельствуют об этом; и, во-вторых, философию относил к формам общественного сознания (это хорошо видно и из других его произведений), а понятие «мировоззрение» — к взглядам отдельной личности. Слова «философия здесь «снята», то есть... преодолена по форме» как раз и означают, что философия выступает здесь в форме мировоззрения личности, как мировоззрение Маркса. Да и в истории культуры, замечает А. Г. Спиркин, философия всегда выступала как теоретическое обобщение определенного мировоззрения, а не как само мировоззрение. Поэтому, пишет профессор Ф. А. Селиванов, безотносительное отождествление их не соответствует наличию стихийного мировоззрения у людей, совершенно незнакомых с философией¹¹. Научное мировоззрение, пишет профессор М. А. Селезнев, нельзя свести ни к научной картине мира, ни к философии диалектического материализма¹². Мировоззрение и философия соотносятся, по нашему мнению, так же, как индивидуальное и общественное сознание.

Иногда научное мировоззрение отождествляют только с диалектическим материализмом¹³. Но если марксизм в целом и марксистско-ленинская философия рассматриваются как важнейшие средства идеологического воздействия на мировоззрение людей, то и по этой причине ни первое, ни второе, ни третье отождествлять с научным мировоззрением нельзя. Итак, мировоззрение, на наш взгляд, относится не к формам общественного сознания, а к индивидуальному сознанию. Вне сознания личности мировоззрения нет, ибо отражение объективного мира, в том числе и отражение наиболее общих принципов и закономерностей, присущих ему, происходит сначала в индивидуальном сознании¹⁴, а уж потом находит свое выражение в теориях, учениях и формах общественного сознания. Социальные же группы, классы, партии руководствуются не мировоззрением как таковым, а мировоззренческими системами, разработанными в форме тех или иных теорий, доктрин, учений¹⁵. Те же, кто отождествляет мировоззрение с теорией, той или иной формой идеологического отражения, вольно или невольно исходят «из сознания, как если бы оно было живым индивидом», в то время как следует исходить из самых действительных живых индивидов и рассматривать сознание только как их сознание¹⁶.

Некоторые философы считают, что в научное мировоззрение входят выводы марксистско-ленинской философии и наиболее общие выводы конкретных наук. Однако хорошо известно, что выводы конкретных наук не являются мировоззренческими¹⁷. Они служат лишь своеобразным эмпирическим материалом для мировоззренческих выводов. Именно поэтому результаты достижений конкретных наук нередко интерпретируются и материалистически и идеалистически — все зависит от того, какими философскими исходными принципами руководствуется человек при индуктивном изводе этих выводов.

Существует точка зрения, согласно которой научное мировоззрение рассматривается как система «естественных и общественных наук, кото-

рые в принципе способны дать целостное и исчерпывающее понимание мира»¹⁸. Но и с этим определением согласиться нельзя, ибо не существует наук, которые могли бы дать исчерпывающее понимание мира. Такое понимание предполагает познание всей природы и истории, чего люди никогда не достигнут¹⁹.

По нашему мнению, удачную дефиницию понятия «научное мировоззрение» дал профессор В. С. Молодцов. Он считает, что «научное мировоззрение—это система материалистических взглядов на мир—природу, общество человека, основанная на выводах конкретно-исторического знания, характеризующая цельность и устремленность личности и проявляющаяся в деятельности людей»²⁰. Представляется, что это определение было бы более полным и точным, если бы в нем было: во-первых, подчеркнuto, что научное мировоззрение—это система не просто материалистических, а диалектико-материалистических знаний; во-вторых, указано на степень обобщенности входящих в научное мировоззрение знаний, так как оно включает в себя не все знания, а лишь наиболее общие знания о мире. По мнению автора, научное мировоззрение—это структурное образование в сознании личности, правильно отражающее наиболее общие принципы, законы и связи функционирования, развития, познания и преобразования мира и побуждающее человека действовать в соответствии с этими принципами и законами.

Структурно научное мировоззрение имеет две органически взаимосвязанные стороны: рационально-логическую (ее можно назвать содержательной или теоретической) и практически действенную. Содержание рационально-логической стороны научного мировоззрения составляет система основных, обобщенных на самом высоком уровне, знаний-выводов о природе, обществе и сознании. Условно их можно разделить на три больших аспекта: естественнонаучный, общественнонаучный и гносеологический. Каждый из них, в свою очередь, состоит из самостоятельных, но тесно взаимосвязанных компонентов, а эти последние—из отдельных мировоззренческих идей, положений и выводов.

Естественнонаучный аспект мировоззрения не совпадает со всей совокупностью естественных знаний. В его структуру и содержание входят лишь такие теоретические и методологические принципы, положения и выводы, которые являются результатом абстрактно-логического обобщения на мировоззренческом уровне,—на уровне, выходящем за пределы конкретных наук, которые позволяют человеку иметь самое общее представление о мире, его функционировании и развитии, определить свое место в нем и отношение к нему.

Общественнонаучный аспект мировоззрения представляет собой отражение в сознании наиболее общих закономерностей общественной жизни и связей человека с социальной средой, его зависимость от нее. Знания этого аспекта позволяют человеку правильно ориентироваться в общественной жизни. В него входят наиболее общие выводы общественно-экономического, социально-политического, этического и эстетического содержания. Содержание общественнонаучного аспекта мировоззрения тоже не сводится к простому объединению знаний общественных наук или к совокупному содержанию всех форм идеологии. Оно включает в себя лишь те наиболее общие выводы, которые позволяют человеку правильно определить свое место в мире людей, свои интересы, цель и смысл жизни, направление и способы своей деятельности.

Таким образом, содержание рационально-логической стороны научного мировоззрения составляет не совокупность всех существующих знаний, а лишь систему научно обоснованных выводов-ответов на мировоззренческие вопросы.

Научное мировоззрение—это не только идеальный образ мира в виде системы знаний, а и активная жизненная позиция личности, ее эмоциональное отношение к миру, к обществу, к своим правам и обязанностям²¹. Оно проявляется в практических действиях человека. Эмоционально-волевую основу практически действенной стороны научного мировоззрения составляет убежденность личности в истинности мировоззренческих знаний. Именно убежденность придает мировоззренческим знаниям такое качественно новое состояние, когда они становятся важнейшими принципами жизни и деятельности человека, способными «заставить» его действовать в соответствии с этими знаниями.

Итак, научное мировоззрение—это система наиболее общих знаний о мире, являющаяся результатом научного абстрактно-логического мышле-

ния на самом высоком уровне обобщения, — система знаний, в истинности которых человек убежден и которые определяют общую направленность всей его жизни и деятельности. Формирование научного мировоззрения у людей предполагает два основных тесно взаимосвязанных момента: передачу знаний и выработку убежденности в истинности этих знаний. Без изучения и глубокого усвоения людьми законов развития природы, общества и мышления сформировать цельное, систематизированное диалектико-материалистическое мировоззрение невозможно.

¹ См.: Рожин В. П. Пути формирования научного мировоззрения. — Л., 1965, с. 3; Коммунизм и формирование научного мировоззрения масс. — Минск, 1966, с. 7—17.

² Формирование марксистско-ленинского мировоззрения — сердцевина коммунистического воспитания молодежи. — М., 1974, с. 9.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.

⁴ Там же, т. 33, с. 29.

⁵ Там же, т. 26, с. 50—51.

⁶ См.: Шептулин А. П. Философия марксизма-ленинизма. — М., 1970, с. 4; Юрова И. Л. Об отношении марксистско-ленинской философии к естествознанию. — М., 1970, с. 19.

⁷ См.: Макаров А. Д. Историко-философское введение. — М., 1972, с. 22—23.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 335.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 142.

¹⁰ См.: Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы. — М., 1969, с. 144.

¹¹ См.: Формирование научного мировоззрения студентов технических вузов. — Тюмень, 1971, с. 3.

¹² См.: Формирование научного мировоззрения студентов в процессе изучения общественных наук. — М., 1974, с. 125.

¹³ См.: Философская энциклопедия, т. 1, с. 479.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 184.

¹⁵ См.: Иванов И. Г. Значение естествознания в формировании атеистического миропонимания. — М., 1975, с. 3.

¹⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 25.

¹⁷ См.: Федосеев П. Н. Мировоззрение, философия, наука. — М., 1979, с. 24.

¹⁸ Ковальзон М. Я. Мировоззрение и мораль. — М., 1966, с. 5.

¹⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 630.

²⁰ Молодцов В. С. Научное мировоззрение — основа коммунистического сознания. — Вестник Московского университета. Серия VIII, 1966, № 6, с. 5.

²¹ См.: Проблемы развития коммунистического сознания. — М., 1965, с. 5.

О. Т. МАНАЕВ

ВКЛЮЧЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОММУНИКАЦИОННОЕ ПОЛЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Важную роль в идеологической работе партии играют средства массовой информации (СМИ). Главная задача, которую ставит сегодня партия перед журналистами и учеными-обществоведами, занимающимися проблемами массовой коммуникации — это повышение эффективности печати, радио и телевидения. Основной недостаток в постановке информационно-пропагандистской работы, как отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», «состоит в том, что качество этой работы далеко не всегда отвечает возросшему образовательному и культурному уровню и запросам советских людей, недостаточно учитывает динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни современного советского общества»¹. Преодолеть этот недостаток невозможно без решения проблемы определения самого понятия «эффективность СМИ».

Исследователи массовой коммуникации выдвигали различные методы решения этой проблемы. Одни, например, предлагали определять эффективность СМИ числом «охваченных» ими читателей, слушателей и зрителей или затратами времени на потребление сообщений СМИ², другие — отношением аудитории к этим сообщениям³, третьи — соотношением реальной аудитории, получившей адресованную ей информацию, и аудитории, на которую была рассчитана данная информация⁴. Недостатком этих подходов, на наш взгляд, является то, что они методологически сориентированы либо на учет только коммуникативного поведения аудитории, либо на выявление, главным образом, рефлексивных аспектов влияния СМИ на личность. Тем самым эффективность СМИ оказывается

вне деятельностного опосредования самого содержания, а порой и целей, ради которых эти средства функционируют.

Наш метод операционального определения эффективности СМИ основывается на самой сущности процесса массовой коммуникации. Процесс массовой коммуникации в развитом социалистическом обществе представляется нам взаимосвязью коммуникативной, познавательной, ценностно-ориентационной и преобразовательной деятельности — т. е. тех видов человеческой деятельности, которые вычлениют в зависимости от целей, преследуемых субъектом⁵. Оговоримся, что существуют и другие классификации, но как в плане методологии, так и в плане методики прикладного социологического исследования, наша классификация хорошо «работает», так как своим основанием имеет чрезвычайно важный для нас элемент системы «субъект — объект», а именно — цель. Взаимосвязь названных видов деятельности означает: влияние коммуникатора (редактора, журналиста, издателя) на систему знаний и ценностей коммуниканта (читателя, слушателя, зрителя); общение коммуникатора с коммуникантом, в процессе которого последний выступает не как пассивный объект воздействия, а как равный коммуникатору субъект, посредством обратной связи влияющий на систему знаний и ценностей самого коммуникатора; преобразование человека человеком через ряд опосредующих звеньев переходит в преобразование окружающего мира. Важно подчеркнуть, что коммуникант в процессе массовой коммуникации взаимодействует с другими такими же коммуникантами, с которыми он не может вступить в непосредственный контакт, посредством сообщений СМИ.

Таким образом, этот процесс можно представить как процесс взаимодействия системы коммуникатора (социального института, производящего и распространяющего социальную информацию) и системы коммуниканта (аудитории), а также различных подсистем системы коммуниканта (т. е. групп аудитории), возникающих при обмене социальной информацией на основе сообщений СМИ. Этот процесс взаимодействия мы называем коммуникационным полем СМИ. Эффективность СМИ, как и всей идеологической работы, можно определить как пропорцию цели к затратам и результату. Комплексный характер цели СМИ определяет и комплексный характер показателя ее эффективности.

На наш взгляд, одним из недостатков прикладных социологических исследований эффективности СМИ является стремление ограничиться изучением одного, максимум — двух видов деятельности. Пожалуй, наиболее разработанной в этом отношении является собственно коммуникативная деятельность, эмпирическим показателем которой обычно выступает частота, объем и устойчивость контакта со СМИ. Достаточно большой опыт накоплен и в области изучения ценностно-ориентационной деятельности. Эмпирическим показателем в этом случае служит оценка аудиторией различных характеристик сообщений СМИ. Предпринимаются усилия и в изучении познавательной деятельности, хотя обычно эти исследования выходят за рамки СМИ. Эмпирическим показателем этих исследований, как правило, является уровень информированности аудитории⁶.

Сама же преобразовательная деятельность, без анализа которой изучение эффективности СМИ остается неполным, чаще всего остается за рамками исследований (хотя в последнее время некоторые исследователи делают попытки преодолеть эту ограниченность⁷). Причина этого кроется, вероятно, в самом понятии преобразовательной деятельности, которая охватывает все многообразие материально-практической, а также идеальной, мыслительной деятельности, направленной на изменение существующего и создание нового. В самом деле, как можно соотносить влияние СМИ, например, с трудовой деятельностью? Решая эту задачу, нужно помнить, что построение индекса ценностно-ориентационной деятельности также не дает абсолютно точного представления о ней. Например, лишь условно предполагается, что в основе оценки формы газетного материала, которую дает читатель, лежит реальная форма данного материала. При более строгом подходе оказывается, что «чувство формы» у читателя выработано отнюдь не газетой, а всем социокультурным опытом, который приобрел данный индивид на протяжении своей жизни. То же самое можно сказать и о таком показателе, как уровень информированности, так как практически не существует канала, имеющего абсолютную монополию на тот или иной вид социальной информации. Кроме того, уста-

новить с абсолютной точностью силу и направление причинно-следственной связи в социальных явлениях очень трудно: ведь многообразие самой социальной жизни безгранично. Поэтому достоверная информация, позволяющая установить статистически значимую связь между показателем какого-либо вида деятельности, например, между частотой чтения газеты и общественно-политической активностью людей, — это уже основа для поиска одного из направлений повышения эффективности СМИ.

Таким образом, интегральным эмпирическим показателем эффективности СМИ мы считаем уровень включенности личности в их коммуникационное поле. Однако в отличие от сложившейся традиции включенность понимается шире, чем показатель собственно-коммуникативной деятельности. Наша исходная методологическая посылка заключается в том, что процесс взаимодействия системы коммуникатора и системы коммуниканта не заканчивается установлением контакта с сообщением СМИ, а продолжается и на посткоммуникативной стадии. Включенность в коммуникационное поле СМИ — это процесс усвоения информации, ведущий к постепенному изменению содержания деятельности личности в направлении, адекватном целям коммуникатора. Операционально определить этот показатель можно по-разному.

Первый, классический способ — построение индекса — был реализован в ходе прикладного социологического исследования, проводившегося на одном из предприятий Белоруссии. Основным методом сбора информации было стандартизованное интервью по вопроснику, разработанному на основе принятой нами классификации видов человеческой деятельности. Например, индекс коммуникативной деятельности включал в себя такие показатели, как частота, объем и устойчивость контакта респондентов со СМИ, частота обратной связи и ретрансляции сообщений; индекс познавательной деятельности — уровень внешнеполитической, внутриполитической и производственной информированности, а также знание мировоззренческих проблем; индекс ценностно-ориентационной деятельности — удовлетворенность различными качествами сообщений СМИ и соблюдение норм коммунистической морали; индекс преобразовательной деятельности — показатели общественно-политической и трудовой активности. Каждый из показателей развертывался в виде блоков и отдельных вопросов, ответы на которые представляют собой трех- или пятичленную ранговую шкалу, изменяющуюся последовательно от 0 до 1. Суммарный балл (индекс), рассчитанный на основе предварительно определенных частных баллов, и является операциональным показателем уровня включенности коллектива предприятия в коммуникационное поле местных СМИ: многотиражной газеты и заводского радио (см. таблицу).

Иерархия основных показателей включенности	
Вид деятельности	Индекс
Ценностно-ориентационная	0,64
Коммуникативная	0,50
Преобразовательная	0,44
Познавательная	0,33

Интегральный индекс включенности коллектива исследуемого предприятия в коммуникационное поле местных СМИ $i_{\text{в}} = 0,48$, т. е. несколько ниже средней отметки стандартной ранговой шкалы. Этот показатель позволяет противопоставить традиционному подходу к включенности, основывавшемуся на «охвате» огромных аудиторий, новый подход, основывающийся на дифференцированном анализе всех видов человеческой деятельности, взаимосвязанных в коммуникационном поле СМИ.

Однако конструирование индекса имеет свои недостатки, среди которых самый серьезный — субъективный набор вопросов и ранжирование шкалы. Хотя трех- или пятичленная шкала (например, частота или объем контакта читателя с газетой) стала почти стандартной, этот недостаток нередко вызывает возражения против использования индекса в качестве адекватного инструмента измерения.

Проблема наиболее точного измерения может решаться применением различных социологических методик. Важно подчеркнуть, что в плане методологическом проблема наиболее точного определения эффективности СМИ может быть решена только с учетом вызванных их сообщениями изменений в познавательной, ценностно-ориентационной, коммуникативной и преобразовательной деятельности личности. Поэтому широкое использование показателя «включенность в коммуникационное поле СМИ» в приклад-

ных социологических исследованиях, по нашему мнению, будет способствовать повышению эффективности печати, радио и телевидения.

¹ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы.— М., 1979, с. 4.

² См.: Фирсов Б. М., Муздыбаев К. К построению системы показателей использования средств массовой информации.— Социологические исследования, 1975, № 1, с. 113.

³ См.: Фомичева И. Д. Журналистика и аудитория.— М., 1976, с. 7.

⁴ См.: Кондрашев П. В. Формула эффективности прессы.— М., 1980, с. 92.

⁵ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность.— М., 1974, с. 47.

⁶ См.: Организация пропаганды, политической информации и агитации в трудовом коллективе (программа и методика исследования).— М., 1974.

⁷ См.: Тамаш Сечке (ВНР). К понятию эффективности массовой коммуникации.— В кн.: Массовая коммуникация в социалистическом обществе. Л., 1979, с. 32; См. также: Кондрашев П. В. Указ. работа, с. 93.

Л. П. МУХАРСКАЯ

«ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕНИИ» КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема потребности в общении, представляющая значительный теоретический и практический интерес, до настоящего времени не получила должной разработки в диалектико-материалистической философии, хотя в работах К. Маркса и Ф. Энгельса она рассматривалась как один из важнейших побудительных факторов человеческой деятельности и как ее результат¹.

Специфика потребности в общении состоит в том, что она может выступать и как следствие, и как причина других потребностей, а процесс удовлетворения ее является в то же время средством удовлетворения иных потребностей. В условиях развитого социализма рассматриваемая потребность обладает широким социальным статусом. Она выступает и в качестве фактора, способствующего регулированию таких важных социальных явлений, как обучение и воспитание, развитие творческой активности трудящихся, осуществление идеологического воздействия на субъект, согласование коллективных действий не только внутри отдельных групп, но и государств. Общество развитого социализма предусматривает дальнейшее сближение и сотрудничество всех народов независимо от их социальной принадлежности. Этому процессу может способствовать развитие и совершенствование потребности в межнациональном общении.

В советской педагогической, психологической, социологической и философской литературе потребность в общении рассматривается преимущественно не как самостоятельный феномен, а в связи с анализом других явлений. Речь идет как об отдельных специфических особенностях, так и способах их удовлетворения в различных микрогруппах². В таких случаях потребность в общении психологизируется, сводится к стремлению в поддержании межличностных отношений или отождествляется с потребностью в коммуникации. Не отрицая необходимости и значимости исследования указанных сторон потребности в общении, следует отметить, что до настоящего времени нет ее философского определения, мало внимания уделяется содержательному анализу этой категории, не раскрыта ее социальная значимость и генезис. Вот далеко не полный перечень вопросов, стоящих перед философской наукой.

Одной из важнейших сторон теоретической части исследования любой проблемы, в том числе и потребности в общении, является терминологически четкое определение ее. Для этого необходимо рассмотреть потребность в общении как явление, выявить ее структуру, причину возникновения и сущность.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма категория «потребность в общении» выступает в неразрывной связи с категориями «деятельность», «труд», характеризующими общественную природу человека.

Разделение труда, возникновение и развитие классовых антагонизмов, территориальная, национальная изоляция, научно-техническая революция и создание новых средств общения ведут не только к расширению числа субъектов потребности в общении (от индивида и первобытной общины до народности, государства, нации, общества в целом), но и к росту проти-

воречий между ними, накладывают свой отпечаток на предмет этой потребности. Усложняется и сам характер отношения между субъектом и предметом потребности в общении, который зависит как от свойств среды, так и от свойств субъекта.

Потребность в общении не только зависит от отношения к природной и социальной среде, но и активно воздействует на них. В ходе этого взаимодействия формируется и предмет потребности в общении. Характеризуя предмет потребности, К. Маркс отмечал, что он есть не предмет вообще, а конкретный предмет, который должен быть потреблен определенным образом³. В качестве такого предмета потребности в общении выступает само общение.

Уже в ранних произведениях К. Маркс и Ф. Энгельс обращаются к общению как к одному из моментов конкретизации материалистического понимания истории. «Это понимание заключается в том, чтобы, исходя именно из материалистического производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения...»⁴ В связи с этим общение в диалектико-материалистической философии стало рассматриваться в единстве с деятельностью и общественными отношениями как полифункциональный социальный объект, являющийся и элементом общественного производства, и потребностью для различных субъектов общения, и видом деятельности, а также стороной всех остальных видов деятельности и их условием. Последнее объясняется социальной природой человека, которая и делает общение людей условием труда, познания и т. д.

Исходя из диалектической взаимосвязи общения, деятельности и общественных отношений, ряд авторов определяет общение как деятельность, вид деятельности, подчеркивая тем самым включенность общения в систему деятельности и через нее взаимосвязь с системой общественных отношений⁵. Следует отметить, однако, что общение представляет собой деятельность особого рода, выступающую в виде совместной деятельности, «с которой связаны те или иные симпатические переживания и совокупные результаты сотрудничества (выделено нами.—Л. М.), а также те или иные конфликты и моральные противоречия»⁶. Общение как деятельность, как вид деятельности представляет собой необходимое и всеобщее условие формирования и развития личности, социальной группы, общества. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что всякая общественная деятельность предполагает вступление человека в определенные общественные отношения, различные формы общения, и при этом «действительное духовное богатство индивидов всецело зависит от богатства его действительных отношений»⁷. Причем общение не только актуализирует общественные отношения, но в определенном смысле воссоздает их. Поэтому раскрытие содержания и сущности общения возможно лишь на основе деятельностного подхода к анализу его природы.

Деятельность в философском смысле понимается нами как «активность субъекта, направленная на объекты или на других субъектов...»⁸ Это значит, что наличие деятельности признается в том случае; если можно выделить три ее основных элемента: субъект, объект и сам процесс активности. (Процесс активности здесь рассматривается, как «переход деятельности в ее объективные результаты, в ее продукты, взятая с этой стороны деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами субъект — объект»⁹).

Под субъектом деятельности понимается источник ее активности, направленной на объект. В роли субъекта может выступать индивид, социальная общность в виде групп, существующих независимо от осознания индивидами своей принадлежности к ним (классы, сословия, касты, нации и др.), а также групп, которые являются продуктами осознанной целенаправленной деятельности (политические партии, производственные коллективы и др.). Субъектом является и общество в целом.

Объект деятельности—то, на что направлена активность субъекта. Объектом может быть природный предмет, результат овеществления человеческих сущностных сил, сам субъект. Объект не обладает целенаправленной активностью и играет в деятельности только пассивную роль. Активность субъекта может направляться как на объекты, так и на других субъектов. В последнем случае мы имеем особый вид деятельности — общение. Оно, в отличие от других видов деятельности, например, преобразовательной, познавательной, которые осуществляются в субъект —

объектной сфере, предполагает двустороннюю активность субъектов, вступающих во взаимодействие. В процессе общения объект выступает в роли активного субъекта. В других же видах деятельности связь осуществляется с пассивным предметом. Употребляемая при объяснении субъект — субъектной связи категория взаимодействия позволяет рассматривать субъектов общения одновременно как причину и как следствие влияния противоположных сторон, определяя тем самым органичность данного вида человеческой деятельности. «Ближайшим образом, — писал Гегель, — взаимодействие представляется взаимной причинностью **предложенных, обуславливающих друг друга субстанций**; каждая есть относительно другой **одновременно** и активная и пассивная **субстанция**»¹⁰. В ходе взаимодействия субъектов благодаря передаче и усвоению ими разнообразного опыта осуществляется изменение структуры и сущности взаимодействующих субъектов.

В советской литературе сложилось несколько точек зрения на сущность общения. Одни авторы сводят ее к обмену информацией между человеческими индивидами, другие считают, что обмен информацией — это лишь одна из сторон, выражающих сущность общения, третьи же трактуют последнюю как межличностный обмен эмоциями, мыслями. Разумеется, обмен эмоциями и информацией представляет собой весьма важную сторону сущности общения, так как настроения, мысли, эмоции присутствуют в любом акте общения, но содержание общения этим не исчерпывается. Сущность общения может быть понята лишь при всестороннем анализе содержания человеческого общения.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «деятельность людей имеет две стороны: производство... и общение...»¹¹ В последующих работах основоположников марксизма первая сторона деятельности раскрывается ими как процесс труда. Исследуя вторую сторону человеческой деятельности, ряд авторов предлагает рассматривать ее также как процесс, в котором осуществляются переходы между полюсами субъект — субъект¹². Подход к человеческому общению как к процессу дает возможность решить проблему и в методологическом плане, потому что рассмотренное как единый процесс общение — сложное, многогранное по своему содержанию — предстает как целостное явление.

Суть собственно процесса общения составляет взаимодействие субъектов по обмену различного рода деятельностью, опытом, информацией, психическими состояниями, а также результатами, продуктами этой деятельности, предметно воплощенными в явлениях материальной и духовной культуры. Такая трактовка сущности общения позволяет отличать данный феномен от таких явлений, как, например, контакт, сотрудничество в какой-то практической деятельности, соучастие в играх, где субъект-партнер может выступать в качестве пассивного предмета для удовлетворения тех или иных нужд субъекта-инициатора. В таких случаях активный обмен между субъектами отсутствует. Неправомерно также сводить общение к одному только его виду — духовному общению, а потребность в общении рассматривать как потребность в передаче идей, представлений, чувств. Процесс общения, выступающий в качестве предмета потребности, может быть охарактеризован и как материальный, ибо духовное общение людей является «непосредственным порождением их материальных действий...»¹³

В этой связи необходимо отметить, что отдельные конкретные виды потребности в общении можно различать между собой по ряду признаков. Так, в зависимости от содержания деятельности, обмен которой осуществляется в процессе общения и составляет его сущность, имеет право на существование как потребность в материальном, так и духовном общении.

Испытывая потребность в общении, субъекты, как правило, преследуют какую-то цель: получить знание, нечто творить, создавать, сделать другого субъекта единомышленником и т. д. По целям, преследуемым субъектами в процессе их взаимодействия, можно выделять потребность в познавательном, производственном, творческом общении и т. д. Потребность в общении может удовлетворяться во взаимодействии различных субъектов (отдельных личностей, наций, классов). В зависимости от носителей потребности в общении она подразделяется на потребности в межличностном, межнациональном, межклассовом общении и т. п.

Итак, по нашему мнению, потребность в общении может быть определена как исторически обусловленное отношение субъекта к процессу взаимодействия с другими субъектами в обмене деятельностью, ее ре-

зультатами, информацией, психическими состояниями, и направленное на поддержание функционирования этих субъектов.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений.— М., 1956, с. 596; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19, 245; там же, т. 23, с. 520.

² См.: Веденов А. В. Потребность в общении.— Советская педагогика, 1967, № 9; Общение как предмет теоретических и прикладных исследований.— Л., 1973; Проблема потребностей в этике и эстетике.— Л., 1976; Проблемы формирования социогенных потребностей.— Тбилиси, 1974.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.

⁴ Там же, т. 3, с. 36—37.

⁵ См.: Бодалев А. Л. Общение и формирование личности.— Научные труды / Кубанский ун-т, 1978; Каган М. С. Общение как философская проблема.— Философские науки, 1975, № 5; Леонтьев А. А. Деятельность и общение.— Вопросы философии, 1979, № 1.

⁶ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания.— М., 1977, с. 166.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 36.

⁸ Каган М. С. Человеческая деятельность.— М., 1974, с. 43.

⁹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.— М., 1975, с. 81.

¹⁰ Гегель Г. Соч.— М., 1937, т. 5, с. 691.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»).— М., 1966, с. 4.

¹² См.: Реш В. П. Общение как жизненно необходимый процесс.— Вопросы социологии, социальной психологии, этики.— Вып. 5.— Свердловск, 1972; Тисленко В. М. Человеческое общение как социальный процесс.— Вестник Московского университета. Философия, 1975, № 5.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

Навуковы камунізм

Л. В. МАЗУРЧИК

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ РАБОЧЕЙ СМЕНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОФТЕХОБРАЗОВАНИЯ

ЦК КПСС и Советское правительство неуклонно и последовательно претворяют в жизнь задачу огромной политической и народнохозяйственной важности — дальнейшего совершенствования обучения и коммунистического воспитания молодежи и подготовки ее к высокопроизводительному труду. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 августа 1977 года «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» отмечалось, что эта система стала в нашей стране основной школой подготовки квалифицированных рабочих кадров. Она играет важную роль в осуществлении всеобщего обязательного среднего образования молодежи, в подготовке всесторонне образованных, коммунистически воспитанных молодых рабочих¹.

Всесторонне, гармонически развитой человек сегодня выступает как объективное требование социального и технического прогресса. Профессионально-техническая подготовка является неотъемлемой составной частью такой всесторонности.

По общему мнению, социальный облик современного рабочего наиболее полно раскрывается в особом пограничном слое — рабочих-интеллигентов. Это качественно новый тип трудящегося, воплощающего в себе лучшие черты представителей нашего рабочего класса и трудовой интеллигенции. В век научно-технической революции этот тип рабочей прослойки растет быстрыми темпами и занимает прочное место в тех отраслях экономики, которые определяют научно-технический прогресс.

«Если удается видеть его во время работы — вдохновенного, порывистого, но в движениях экономного и расчетливого, думаю: вот это рабочий! — пишет о заслуженном рационализаторе Белоруссии, строгальщике Минского завода автоматических линий Леониде Ивановиче Потаповиче член-корреспондент АН БССР Е. М. Бабосов. — Но когда вижу, как он делает чертеж, как строит на ватмане проекции нередко сверхсложных изделий, то уверен, что имею дело с инженером. Когда же слушаю его лекцию о новых, прогрессивных методах работы (а он прочитал перед рабочими и специалистами многих городов страны свыше тысячи таких лекций), то прихожу к выводу, что выступает настоящий профессор. И он действительно профессор — по рабочему мастерству, по культуре и качеству труда, разносторонности знаний»².

Нынешний этап развития системы профессионально-технического образования в БССР, как и во всей стране, можно охарактеризовать следующими особенностями: во-первых, завершается повсеместный переход на подготовку рабочих со средним образованием; во-вторых, расширение сети средних профессионально-технических и технических училищ позволяет обеспечить подготовку рабочих только высокой квалификации; в-третьих, осуществление коренной специализации и модернизации материально-технической базы училищ позволяет готовить рабочих широкого профиля для всех отраслей народного хозяйства республики.

Сейчас профтехшкола республики готовит рабочие кадры и младший технический персонал более чем по 300 специальностям. Среди молодежи

большой популярностью пользуются такие специальности, как чертежник-конструктор, гальваник-корректировщик ванн, контролер-приемщик слесарных и станочных работ, машинист тепловоза, оператор по обслуживанию оргтехники, оператор животноводческих ферм, механизатор широкого профиля, мастер по технической диагностике неисправностей тракторов, электромеханик по ремонту и обслуживанию электронной техники, монтажник радиоаппаратуры и приборов, наладчик агрегатных и специальных станков, станочник — программист, аппаратчик сложных химических производств и др.

Сегодня воспитанники профессионально-технических училищ составляют основное ядро ведущих профессий, более половины механизаторских кадров на селе. Наиболее высок удельный вес выпускников профтехучилищ среди молодых рабочих. Практически за годы десятой пятилетки в республике завершен переход на подготовку квалифицированных рабочих со средним образованием.

Осмысление перспектив развития системы профтехобразования БССР непосредственно связывается с реализацией комплексного плана экономического и социального развития системы на 11 пятилетку и до 2000 года. Планируется к 1985 году всех выпускников средних общеобразовательных школ, изъявивших желание получить рабочие профессии, обучать в технических училищах и филиалах ТУ³, что будет равнозначно введению в республике всеобщего профессионального образования молодежи. С организацией средних профессионально-технических и технических училищ создаются наиболее благоприятные возможности для подготовки рабочих нового типа, отвечающих требованиям не только сегодняшнего дня, но и перспективам развития нашего общества.

Вызванная научно-технической революцией комплексная механизация и автоматизация производства коренным образом изменят прежде всего характер и содержание труда рабочего. Труд современного рабочего все больше превращается в разновидность инженерно-технического и агрономического труда. «То, что делает сегодня рядовой рабочий на заводе, колхозный механизатор, — отмечал Л. И. Брежнев, — еще в недавнем прошлом считалось доступным только технику или инженеру»⁴. Изменение характера и содержания труда приводит к существенным сдвигам в профессионально-квалификационной структуре рабочих кадров, вносит существенные поправки в исторически сложившееся разделение труда, усиливает действие закона перемены труда, ведет к ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по увеличению производства и широкому применению автоматических манипуляторов в отраслях народного хозяйства в свете указаний XXV съезда КПСС» отмечается, что комплексная механизация и автоматизация производственных процессов на основе широкого использования автоматических манипуляторов явится одним из важных направлений повышения производительности труда и ускорения научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства, будет содействовать решению проблемы трудовых ресурсов в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках⁵. Научно-технический прогресс в условиях развитого социализма определяет диалектический характер сближения рабочих и инженерно-технических работников и формирования совокупного работника, осуществляющего надзор за процессом производства. Но развитие техники не может отменить трудовой деятельности человека, а лишь изменяет ее. Труд все в большей степени становится жизненной потребностью. Комплексная механизация и автоматизация производственных процессов побуждает рабочих к творчеству, изобретательству и рационализации.

В эпоху бурного развития науки и техники рабочий класс по-прежнему остается главной производительной силой общества. Его основная задача эффективно управлять сложной современной техникой. А управлять такой техникой может только рабочий нового типа с высоким уровнем специальной подготовки, основательной профессиональной культурой, с высоким чувством ответственности за порученное дело. Речь идет о «производстве» специалистов младшего технического звена в системе профессионально-технического образования. Постоянный рост количества технологических операций и процессов требует от современного рабочего фундаментальных теоретических знаний и практических умений. Появились рабочие должности, требующие специальной инженерной подготовки, например, должность инженера-наладчика в станкостроении. На предприя-

ниях республики (завод имени С. Орджоникидзе, производственное объединение «Интеграл» и др.) многие виды работ выполняют специалисты среднего и высшего технического звена.

Нужна более основательная общеобразовательная база, на которой должно строиться современное профессионально-техническое образование. Выпускник профтехшколы должен обладать большим заделом общетехнической и общетехнологической подготовки, в основе которой лежат инженерно-технические знания. Вместе с тем высокий уровень общепрофессиональной подготовки, влияние научно-технического прогресса на изменение характера и содержания труда рабочего сами по себе еще не определяют производственника нового типа.

Совершенствование подготовки рабочей смены определяется возрастающей ролью рабочего класса как основной производительной и политической силы советского общества в условиях развитого социализма. В облике молодого рабочего-строителя коммунизма рабочий класс выражает свою классовую сущность. Через обучение учащийся воспринимает научную идеологию рабочего класса, его коммунистическую убежденность, потребности, интересы, мотивы, привычки, чувства. Рабочий класс всегда отличали революционная страстность, постоянное стремление к новому, передовому, прогрессивному.

За последние годы на предприятиях республики широкое распространение получил бригадный метод работы по единому наряду, положивший начало новым коллективным формам организации и оплаты труда. В 1980 году эти формы охватывали почти половину рабочих. В 11-й пятилетке коллективные формы организации и оплаты труда станут основными, что будет соответствовать требованиям социального и технического прогресса.

Эти прогрессивные формы организации труда способствуют лучшей адаптации молодых рабочих на производстве, воспитывают у них чувство коллективизма и взаимной ответственности за конечные результаты своего труда, пробуждают стремление трудиться в меру своих возможностей, осознавать социальный смысл труда, его общественную значимость. Коллективные формы организации и оплаты труда стимулируют образовательный, культурный и профессиональный рост всех членов производственной бригады. Взаимопомощь и взаимозаменяемость в производственной бригаде создают благоприятные возможности для совмещения профессий и функций, для подготовки рабочих широкого профиля.

Сущность системы профессионально-технического образования — растить всесторонне развитых и активных строителей нового общества. Поставлена задача — обеспечить органическое единство учебного и воспитательного процесса, слить их в единый процесс формирования всесторонне развитой личности молодого рабочего. Формирование и развитие широкого слоя рабочих-интеллигентов стало закономерностью. Среди питомцев профтехшколы Белоруссии немало известных организаторов и командиров производства, передовиков и новаторов труда, рационализаторов и изобретателей, депутатов Верховного и местных Советов народных депутатов. Свыше 70 человек стали Героями Социалистического Труда.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» намечены конкретные пути совершенствования коммунистического воспитания молодежи, формирования у нее научного мировоззрения, высоких морально-политических качеств и трудолюбия⁶. Идеи и выводы этого важного партийного документа стали сегодня главным направлением в подготовке производственника нового типа современной системой профтехобразования.

¹ См.: Правда, 1977, 11 сентября.

² Правда, 1980, 6 июня.

³ См.: Профессионально-техническое образование, 1979, № 3, с. 55.

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи.— М., 1972, т. 3, с. 424.

⁵ См.: Правда, 1980, 9 августа.

⁶ См.: Правда, 1979, 6 мая.

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

Интеллигенция находится на переднем крае острой и бескомпромиссной идеологической борьбы двух социальных систем. Терпят крах попытки антикоммунизма ослабить социально-политическое единство советского народа, противопоставить советскую интеллигенцию рабочему классу и колхозному крестьянству. Но империализм не прекращает своих идеологических диверсий, направленных против интеллигенции, усматривая в ней силу, способную привести к «эрозии» реального социализма. Важной составной частью «советологических» исследований является попытка дать новые, в корне отличные от марксистско-ленинского, определения места и роли интеллигенции в обществе. Исходной посылкой большинства антикоммунистических определений интеллигенции служит концепция «нового класса», согласно которой научно-техническая революция не только вызывает бурный количественный рост интеллигенции, но и вне зависимости от общественно-экономического строя превращает интеллигенцию в самостоятельный новый класс, ведущую силу общественного развития. Теория «нового класса» отнюдь не новшество эпохи научно-технической революции. Она была выдвинута в 20-е годы Л. Троцким, в 50-е развита экс-коммунистом М. Джиласом в работе «Новый класс», в 60—70-е годы усиленно пропагандируется «советологами» (Д. Белл, С. Липсетт, А. Гелла, Р. Митчелл и др.) и правыми ревизионистами (Э. Фишер, Р. Гароди).

Делая вывод о том, что термин «интеллигенция» эквивалентен термину «новый класс»¹, «советологи» исходят из антинаучной трактовки самого понятия «класс». Игнорируя объективные критерии классов и социальных групп, они определяют класс как «группу, отличающуюся от многих других на основании богатства (высший класс), рода занятий (рабочий класс) и политической власти (высший класс)»². Исходя из этого и ему подобных определений класса, «советологи» утверждают, что «двухклассовый анализ Маркса устарел и должен быть дополнен системой из пяти и даже семи классов»³. Отрицание возможности научного определения классов характерно для большинства буржуазных идеологов, некоторые из которых утверждают, что в марксизме якобы вообще нет ясного теоретического обоснования понятия «класс».

Современная научная трактовка места и роли интеллигенции вытекает из марксистско-ленинского определения классов. Первый признак класса — место в исторически определенной системе общественного производства — означает, что существование определенных классов связано с существованием определенного способа производства. Это означает, что с ликвидацией капиталистического способа производства исчезают и его основные классы. В то же время интеллигенция, возникшая в капиталистическом обществе, продолжает существовать, численно расти и качественно изменяться при социалистическом способе производства. Вторым определяющим признаком классов, который часто преднамеренно упускается из вида создателями концепции «нового класса», является их отношение к средствам производства, связь с определенной формой собственности. Рассмотрение советской интеллигенции и с этой точки зрения не позволяет отождествлять ее с понятием «класс», так как она не имеет специфического, только ей присущего отношения к средствам производства, отличающего ее от рабочего класса и крестьянства. Некоторые буржуазные идеологи определяют советскую интеллигенцию как «лишенный собственности новый класс»⁴, в отличие от рабочего класса и колхозного крестьянства, которые якобы являются монопольными владельцами средств производства. Подобные утверждения не соответствуют реальной действительности: в социалистическом обществе интеллигенция выступает совладельцем государственной (общенародной) собственности и колхозно-кооперативной. Третий признак определяет роль класса в общественной организации труда. Ряд буржуазных теоретиков утверждает, что различия между рабочим классом и интеллигенцией по характеру труда обусловливают неодинаковую роль в его общественной организации и являются основой «классовых» различий⁵. Отождествление организационно-производственной роли данной социальной группы с умственным или физическим трудом ведет к утверждению того, что различия между

умственным и физическим трудом имеют классовобразующую природу, что позволяет выделить интеллигенцию в особый, «новый класс». Если исходить из этой точки зрения, то получится, что главенствующую роль в общественной организации труда играет группа управленческих работников, занятых умственным трудом, а не класс капиталистов — в условиях капитализма, не рабочий класс — в условиях социализма.

Роль класса в общественной организации труда основоположники научного коммунизма выводили из факта владения этим классом средствами производства, занятия им господствующего положения в экономике, а не толковали в зависимости от характера труда. «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — указывал К. Маркс, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»⁶.

В условиях социализма руководящая роль в общественной организации труда принадлежит рабочему классу, который занимает главные позиции в экономике, представляет и развивает самую передовую форму собственности — государственную (общенародную). Его ведущая роль не противоречит выполнению социальной категорией работников умственного труда непосредственных управленческих, организаторских функций в производстве, народном хозяйстве. Эти функции выполняются именно так и в том направлении, в каком рабочим классом и Коммунистической партией определены главные направления и организационные задачи развития общественного производства. Следовательно, интеллигенция, не имея особого отношения к собственности на средства производства, не играет особой, руководящей роли в общественной организации труда и по этому признаку также не может быть выделена в класс. И по способу получения и размеру получаемой доли общественного богатства интеллигенция не является особым классом. Труд инженера на капиталистическом предприятии, по мысли К. Маркса, так же как и труд рабочего, состоит из оплачиваемого труда плюс неоплаченный прибавочный труд⁷. При социализме интеллигенция, как рабочий класс и крестьянство, получает доходы в соответствии с принципом распределения по количеству и качеству труда, причем различия в размере доходов интеллигенции и рабочего класса постоянно сокращаются. Таким образом, как указывал В. И. Ленин, «интеллигенция не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому самостоятельной политической силы»⁸.

Определяя место интеллигенции в социальной структуре буржуазного общества, В. И. Ленин отмечал, что она образует «особый слой современных капиталистических обществ»⁹. Особенность этого социального слоя состоит в том, что он является межклассовым слоем, «занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии..., отчасти к наемным рабочим»¹⁰. Интеллигенция порождается классами, тесно связана с ними, обслуживает и выражает их интересы. Она «...отражает и выражает развитие классовых интересов и группировок во всем обществе»¹¹.

Отмечая в ряде работ характерные черты интеллигенции, В. И. Ленин относил к ней «всех образованных людей..., представителей умственного труда..., в отличие от представителей физического труда»¹². Таким образом, В. И. Ленин характеризует интеллигенцию прежде всего как особый социальный слой общества, который отличается от других социальных групп по характеру и содержанию труда — умственного, по наличию высокого образовательного уровня.

Эти методологические указания В. И. Ленина имеют и в настоящее время важное значение для определения места и роли интеллигенции в развитии социалистическом обществе. На основании их советские ученые определяют интеллигенцию социалистического общества как «большую социальную группу трудящихся, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации, требующим, как правило, для своего выполнения среднего специального или высшего образования»¹³.

В буржуазной литературе наблюдаются путаница, многообразие точек зрения относительно того, кого и на основании каких признаков причислять к категории интеллигенции. Из всего многообразия идей, фальсифицирующих марксистско-ленинское определение интеллигенции, можно выделить три основные идеологические конструкции.

Первую группу составляют характеристики, выделяющие интеллигенцию в особую социальную группу на основе высокого образовательного ценза, который якобы обеспечивает ей особое положение в обществе. Хо-

тя получение социального образования является важной характеристикой интеллигенции, тем не менее на основании только этого признака, без учета характера труда, нельзя определить интеллигенцию как особую группу. Уровень образования сам по себе еще не служит критерием принадлежности определенного лица к данной социальной группе. Образование служит показателем умственного характера труда только в том случае, когда используется по назначению.

Развивая положение об образовательном критерии, ряд буржуазных авторов утверждает, что интеллигенции всегда и в любом обществе свойственно монопольное владение знаниями¹⁴. Интеллигенции отнюдь не всегда свойственна такая монополия. Социализм, избавив человека от антагонистических форм разделения труда, создает все условия для интеллектуального развития всех трудящихся, о чем свидетельствует постоянный рост числа лиц с высшим и средним специальным образованием среди рабочего класса и колхозного крестьянства СССР.

Функциональный подход буржуазных идеологов к определению понятия «интеллигенция» позволяет выделить еще одну группу характеристик. По мнению А. Геллы, большинство западных ученых «характеризует интеллигенцию в рамках ее функции администрирования и производства культурных ценностей»¹⁵. Сторонники функциональной концепции интеллигенции включают в это понятие лишь определенные группы людей умственного труда, противопоставляя их другим отрядам работников умственного труда. Рассматривая причастность к управлению как основную характерную черту интеллигенции, они тем самым не только произвольно сужают содержание понятия интеллигенции, но и ставят знак равенства между понятиями «интеллигенция» и «бюрократия». Определяя интеллигенцию как небольшую группу писателей и работников культуры, «советологи» также стремятся отделить ее от других социально-профессиональных групп (технико-экономической, преподавательско-воспитательской и др.) и противопоставить им.

Третья большая группа антикоммунистов определяет интеллигенцию на основании расплывчатых понятий типа «способность к прогрессивным преобразованиям», «поиск альтернативы» и т. п. Говоря об интеллигенции социалистических стран, они характеризуют ее как силу, «способную сформулировать, представить и произвести изменения, необходимые современному миру»¹⁶. Направленность подобных характеристик, так же как и изменений, за которые ратуют их авторы, очевидна — социалистическую интеллигенцию они определяют как силу, которая, по их мнению, занимает или должна занять враждебную социалистическому строю позицию. Аналогичные с «советологами» позиции по данному вопросу занимают и правые ревизионисты. К этой же группе можно отнести и те определения, которые в качестве исходного критерия берут якобы присущую интеллигенции, вне всякой зависимости от характера общественного строя, основную функцию — функцию критики существующих порядков. Несмотря на общность исходных моментов при определении интеллигенции, сторонники данной концепции расходятся во мнении, кого же причислять к советской интеллигенции в настоящее время. Одни считают, что всей интеллигенции СССР характерны «традиции независимого, критического мышления»¹⁷. Другие утверждают, что у нас интеллигенция как таковая прекратила свое существование и что «советский интеллигент — это псевдоинтеллигент»¹⁸. Сторонники третьей, наиболее распространенной в настоящее время точки зрения, относят к этой социальной группе только так называемую «подлинную, классическую интеллигенцию», под которой они подразумевают диссидентов.

Выделяя в качестве основного критерия советской интеллигенции ее оппозиционность строю, «советологи» смешивают понятия, присущие разным общественно-экономическим формациям и разным историческим эпохам. Если в буржуазных странах происходит все большее обострение противоречий между умственным трудом и капиталом, то социализм обеспечивает интеллигенции все условия для творческой деятельности. Главной чертой советской интеллигенции является не стремление беспринципно критиковать существующий строй, как утверждают «советологи», а участие в деле строительства коммунизма.

Таким образом, во всех антикоммунистических определениях интеллигенции выделяется ряд общих моментов. В них отсутствуют исходные объективные критерии, на основании которых можно выявить сущность этой социальной категории. Все они подменяют конкретный анализ абст-

рактными и произвольными характеристиками, вследствие чего не раскрывают социальной природы интеллигенции. Абсолютизируют некоторые черты, действительно свойственные определенной части интеллигенции в определенных исторических условиях, наделяя ими в равной степени интеллигенцию любого общества.

¹ См.: The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, method and Case Study by A. Gella.— London, 1976, p. 27.

² Smith E. and Zurcher A. Dictionary of American Politics.— New-York, 1968, p. 66.

³ Freedman R. Marxist Social Thought.— New-York, 1968, p. 21.

⁴ Telos, 1978/1979, № 38, p. 55.

⁵ См.: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society.— New-York, 1973, p. 104.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 344.

⁷ Там же, т. 26, ч. I, с. 422.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

⁹ Там же, т. 8, с. 254; т. 6, с. 389.

¹⁰ Там же, т. 4, с. 209.

¹¹ Там же, т. 7, с. 343.

¹² Там же, т. 8, с. 39.

¹³ Руткевич М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе.— М., 1977, с. 35.

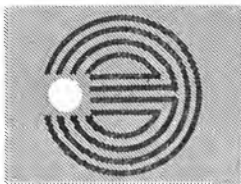
¹⁴ См.: Telos, 1978/1979, № 38, p. 48.

¹⁵ The Intelligentsia and the Intellectuals, p. 10.

¹⁶ Ibid., p. 27.

¹⁷ Survey, 1971, v. 16, № 1, p. 107.

¹⁸ Soviet Studies, 1978, v. 30, № 3, p. 337.

Л. П. БУРДЫНОВА

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Социалистическое соревнование выполняет ныне три основные функции: экономическую, социальную и воспитательную. Такое разделение функций соревнования, которые на практике выступают в тесном взаимодействии, связано с решением триединой задачи, поставленной в Программе КПСС: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование общественных отношений, воспитание нового человека. «Соревнование оказывает глубокое воздействие на хозяйственную практику, на общественно-политическую жизнь страны, на нравственную атмосферу. Всемерно развивать и дальше социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду — такой общий лозунг»¹.

Соревнование влияет на повышение дееспособности личности, на изменение социальной сущности человеческого индивида, на формирование личностных качеств. И все это наиболее эффективно осуществляется при правильной организации и качественном управлении соревнованием. Совершенствование же практики управления соревнованием требует улучшения социологической подготовки руководителей, вооружения их системой знаний о человеке, его потребностях, мотивах. На эту необходимость указывают результаты конкретных социологических исследований, проведенных на ПО «Химволокно» г. Могилева. Так, данные показывают, что в различных цехах объединения участники соревнования отдают предпочтение самым разнообразным формам вознаграждения за успехи в соревновании. На это влияют социально-демографические признаки: пол, возраст и т. д., а также функциональные признаки, которые прямо или косвенно влияют на социальную позицию личности, ее потребности и интересы. Руководитель обязан учитывать действия этих признаков, пренебрежение ими может вызвать нежелательные последствия в коллективе.

Опыт исследования в этой области показывает необходимость и оправданность постоянной работы с организаторами соревнования, убеждает в том, что соревнование по-настоящему становится действенным инструментом улучшения технико-экономических и социально-психологических результатов, когда его организацией занимаются руководители всех звеньев управления, когда с наибольшей полнотой учитываются не только социально-экономические факторы и условия, но сознательность и психологическая предрасположенность работника к участию в нем.

Одной из особенностей социалистического соревнования в современных условиях является возрастающее его воздействие на рост образования, культурно-технического уровня соревнующихся, на характер использования ими свободного времени, на поведение в общественных местах и в быту. Участие в социалистическом соревновании, особенно в движении за коммунистическое отношение к труду, с необходимостью побуждает людей к приобретению знаний, соблюдению норм и правил социалистического общезнания. Рост образования повышает уровень культуры, сознательности, дает возможность лучше ориентироваться в социальной действительности, создает благоприятные условия для организованного вовлечения трудящихся в общественную жизнь.

К социальным факторам, влияющим на совершенствование соревнования, следует отнести учет мнения соревнующихся об организации и проведении соревнования. Организация соревнования начинается с разработки социалистических обязательств. В качестве примера проследим, как, по мнению самих соревнующихся, разрабатываются социалистические обязательства по ПО «Химволокно». Из общего количества опрошенных 45,5% отметили, что все пункты обязательства разрабатываются самостоятельно, 28,6 — подписываются под предлагаемым вариантом, 26 % — разрабатывают обязательства совместно с представителями ИТР. Следует также отметить, что больше половины (52,8%) соревнующихся в процессе работы вносят изменения в свои обязательства, так как считают, что могут сделать больше.

Чтобы организатор соревнования мог определить, какой стимул и при каких условиях превращается в наиболее эффективный и социально ценный мотив деятельности данного коллектива или индивида, он должен опираться на эмпирический материал. Иерархия мотивов дифференцируется, с одной стороны, по уровню их социальной ценности, а с другой — по их значению для данной личности. Исследования мотивационной сферы участников соревнования ПО «Химволокно» путем анкетного опроса вскрыли следующую картину: 69,4% участвуют в соревновании потому, что считают это своим долгом; 11,4 — потому, что другие участвуют; 8 — потому, что на этом настаивает администрация; 4 — выгодно материально; 7,2% — хотят получить общественное признание.

Данные конкретного социологического исследования показывают, что мотивы участия в социалистическом соревновании меняются в зависимости от возрастных характеристик соревнующихся. Так, мотив материальной выгоды от участия в соревновании больше интересует работников в возрасте 25—28 лет. Желание получить общественное признание достигает максимума в 21—24 года. Очень важно учитывать социально-психологические аспекты организации соревнования, которые включают в себя и такие вопросы, как умение руководителя использовать силу похвального слова и общественного мнения, самолюбие человека и его стремление к самовыражению и уважению окружающих людей. Но для этого он должен хорошо знать людей, должен открыть в каждом работнике его главный мотив, учитывать его текущие жизненные обстоятельства.

Итак, мотивационная сфера участников соревнования неоднородна. Чтобы решать экономические, социальные и воспитательные задачи соревнования, надо использовать весь запас стимулов — и моральные и материальные, учитывать и личные и общественные интересы. Но пользоваться ими надо строго индивидуально, знать, какой стимул будет действенным для каждого участника соревнования.

Стимулирующая роль того или иного фактора может быть выяснена с учетом взаимодействия его с другими условиями трудовой деятельности. Система стимулирования, направленная на всестороннее повышение трудовой и общественно-политической активности трудящихся на основе сочетания общественных, коллективных и личных интересов, включает моральные и материальные формы поощрения, восприятие которых зависит от ряда факторов. Можно выделить три группы таких факторов: социально-экономические, социально-демографические и социально-психологические характеристики, куда следует отнести стаж работы, квалификацию, пол, возраст, образование, интересы, мотивы и установки самих соревнующихся. Как будет воспринят тот или иной стимул и, соответственно, с какой деятельностью будет связан, зависит от того, с кем конкретно мы имеем дело. Вторая группа факторов, это характеристики самих стимулов. Третья группа — это характеристики ситуаций стимулирования: откуда и от кого стимул исходит, какова обстановка стимулирования. Стимулировать соревнование — значит воздействовать различными формами на интересы участников, создать материальную и моральную заинтересованность в его результатах. Применение материальных и моральных стимулов предполагает использование системы мер экономического, организационного, нравственно-психологического характера воздействия на интересы трудящихся, объективно находящихся в отношении соревнования.

Организация соревнования требует применения принципа материального стимулирования, специфика которого заключается в том, что вознаграждение должно стимулировать трудящихся выполнять не только установленные нормы и регламентированные операции, но стремиться проя-

вить творчество, энтузиазм, помочь товарищу, добиться лучших показателей по сравнению с другими.

В основе морального стимулирования лежит сила общественного мнения. Выражая свое одобрение или порицание, утверждение или отрицание, совет или предостережение, общественное мнение способно вызвать целую гамму эмоций, настроений, переживаний, прилив творческих сил, стимулировать рост активности и инициативы, формировать чувство ответственности за результаты труда. Высокая оценка деятельности человека со стороны общественных организаций, товарищей по труду вызывает чувство радости, морального удовлетворения, стремление не только повторить достигнутый успех, но и превзойти его. Рабочему далеко не безразличны вопросы престижа, оценка его как работника. Ему важно, чтобы результаты его труда, куда он вложил свою душу, знание, опыт, мастерство, были замечены в коллективе.

Необходимость глубокого изучения и учета материальных и духовных потребностей человека при стимулировании социалистического соревнования вызвана в настоящее время теми изменениями, которые происходят в экономике развитого социализма. Ныне произошли глубокие изменения в нравственной сфере общества, повысилась заинтересованность работника в росте квалификации, возрос интерес к проблеме внутриколлективных отношений, к моральной атмосфере в коллективе. В условиях современного производства человек выступает как целостная личность во всем богатстве своих материальных и духовных потребностей, моральных требований. Их необходимо изучать и строго учитывать для повышения действенности стимулирующих факторов социалистического соревнования.

¹ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 76—77.

В. А. ГРИЦ

ПРОБЛЕМА ИНФЛЯЦИИ В РАБОТАХ ДЖ. ГЭЛБРЕЙТА

Постоянная инфляция наблюдается в течение трех десятилетий как в Соединенных Штатах, так и во всем капиталистическом мире. Обострение инфляционных процессов, особенно в последние годы, все чаще привлекает внимание к этой проблеме буржуазных экономистов. Американский ученый-экономист Джон Кеннет Гэлбрейт вот уже около 30 лет разрабатывает свою концепцию инфляции. И неизменно она оказывается пропущенной им через призму теории конвергенции, что подтверждается и его последней книгой «Век неуверенности» (1977). По утверждению Гэлбрейта, «век Кейнса» сменился «веком инфляции»¹. Правда, проблема эта не признается общей для капитализма и социализма: «Коммунистические страны имеют стабильные цены и стабильную валюту... и под этим углом зрения они стыдят тот мир, который в годы докиссинджеровской политики называли «свободным миром»².

Философская основа методологии Гэлбрейта в исследовании проблемы инфляции и других социальных проблем покоится на двух столпах: вульгарном материализме и объективном идеализме. Вульгарный материализм выражается в теоретической системе лидера неонституционалистов — «технологическом детерминизме». «Императиву технологии» сопутствуют детерминанты движения и борьбы идей. Но разнородность идей и способ их усвоения людьми способствуют тому, что их развитие и изменение не синхронно развитию событий и сменам реальных ситуаций. В результате разного темпа развития идей и реальных событий возникают институциональные лаги. Сократить эти лаги призваны прежде всего экономисты, которым Гэлбрейт отводит роль миссионеров идеала «общественного знания», независимого в общем от человеческого сознания. Итак, стоит изменить «конвенциональное благоразумие» путем внушенных мнений — и дорога для рациональных действий человека будет расчищена. Фактически все развитие начинается с идеи и кончается идеей. В таком виде позиция Гэлбрейта — это позиция объективного идеалиста. В подобном построении логики развития социальных процессов остаются за бортом вопросы собственности и производственных отношений, т. е. именно то, что определяет выбор идей основными классами общества. Самоустранившись от анализа производственных отношений, Гэлбрейт не только искажает

социально-экономическую сущность инфляции, но и получает возможность толковать ее природу и тенденции развития в апологетических целях.

Принципиальная невозможность подлинно научного объяснения проблемы инфляции Гэлбрейтом заключается также и в неправильном толковании им категорий стоимости и денег. Полностью отрицая трудовую и субъективно-психологическую теории стоимости, гарвардский профессор не определяет четко своей позиции, которую, пожалуй, можно назвать позицией сторонника прагматической теории стоимости. Стоимость, по Гэлбрейту, выражает свойства товара, которые отвечают определенным научным или технологическим критериям. Здесь очевидна крайняя степень вульгаризации политэкономии, которая, по определению В. С. Афанасьева, может быть квалифицирована как экстенсивная форма вульгаризации. Деньги определяются Гэлбрейтом как то, что «повсеместно предлагается или получается при покупке или продаже товаров, услуг или других вещей»³. Возникает впечатление, что стоимость денег, по выражению одного из комментаторов работ Гэлбрейта, «создается рукой любого, кто бы их ни тратил»⁴.

Методологические пороки, допущенные гарвардским профессором в объяснении причин инфляции, приводят его к использованию тезиса об инфляции издержек, опирающегося на пресловутую легенду о «спирали заработной платы — цены». Очевидна классовая направленность этого тезиса, которая выражается в том, что из всех издержек производства выделяется только заработная плата. «Подобное объяснение плоско и затрагивает только поверхность явлений»⁵.

Теоретическая несостоятельность легенды о «спирали» подтверждается тем, что увеличение зарплаты может привести лишь к уменьшению прибыли, но не изменит общей величины товарной стоимости. Данные, приводимые С. Л. Выгодским в работе «Современный капитализм», свидетельствуют, о фактическом уменьшении издержек зарплаты на единицу продукции в обрабатывающей промышленности США (1947—1968 годы) на 23,4%. А общий индекс цен на продукцию обрабатывающей промышленности увеличился за это время на 44,8%. Как видно, для «спирали» не остается места.

В «Новом индустриальном обществе» Гэлбрейт подчеркивает, что «не следует рассматривать повышение заработной платы как причину повышения цен только потому, что оно взято за отправную точку»⁶. А в «Экономических теориях и целях общества» он выражает мысль о том, что именно корпорация, благодаря неуклонному повышению цен, становится основным источником неконтролируемой инфляции. Гэлбрейт прямо признает, что в большинстве случаев рост цен опережает рост зарплаты. Не инфляция представляет собой гораздо более сложный феномен, содержанием которого является нарушение закона денежного обращения, вызванного диспропорциями в процессе общественного воспроизводства и политикой финансового капитала.

Об опасности недооценки инфляции для судеб капитализма Гэлбрейт предупреждал еще в «Американском капитализме» (1952), где указывал, что «уравновешивающая сила» полностью перестает функционировать как ограничитель власти рынка в условиях инфляции или инфляционного давления на рынок»⁷. Однако в объяснении инфляции в то время Гэлбрейт оставался на кейнсианских позициях, характеризуя ее как определенное состояние спроса при почти полной занятости. Принципиально не меняются его взгляды на эту проблему в работе «Общество изобилия» (1958). Он считает увлеченность последователей Кейнса производством ради производства вредной асимметрией, предающей забвению инфляцию. Установление контроля над ценами и зарплатой имеет стратегическое значение уже в концепции «индустриального общества». Рост цен в «индустриальном обществе», по мнению Гэлбрейта, обусловлен созданием больших сбережений, которые не поглощаются инвестициями; поэтому производство и занятость не растут. Вместо этого растут цены, повышение которых технотструктурой осуществляется с большой легкостью. Он предлагает освободить американское общество от «конвенционального благоразумия», чтобы принять рецепты по борьбе с инфляцией, которую Гэлбрейт намерен осуществить с помощью треугольника общественных сил: правительства, технотструктуры и независимо мыслящих представителей сословия ученых и педагогов. Основным рычагом поддержания определенного уровня цен должен быть контроль над «спиралью заработной пла-

та — цены», так как «индустриальная система по своей природе требует, чтобы цены ограничивались извне»⁸. Альтернативу контроля должны будут принять и профсоюзы, и корпорации. На деле же, корпорация, наделенная автором сверхдобродетелями, заинтересована лишь в одной стороне «спирали» — в замораживании заработной платы. В свою очередь, рабочие не могут согласиться с ограничением ставок зарплаты, так как буржуазное государство не может дать им никаких гарантий защиты от инфляции.

Со времени опубликования «Нового индустриального общества» (1967) и до появления «Экономических теорий и целей общества» (1973) темпы инфляции неуклонно нарастали. Надежды Гэлбрейта на треугольник общественных сил не оправдались. Администрация не принимала его рецептов. Утверждения об изменении целей деятельности технотехники вызвали «удивление и иронию тех, кто в настоящее время управляет большими корпорациями»⁹. Сословие ученых и педагогов по-прежнему пребывало в плену «конвенционального благоразумия». «Планирующая система», представляющая сферу деятельности «зрелых корпораций» становится теперь у Гэлбрейта источником инфляции, которая распространяется на «рыночную систему», оказывая на нее разрушительное действие. Исходя из этого, автор «Экономических теорий и целей общества» переадресовывает свои надежды новому треугольнику общественных сил: мелкой буржуазии, «классу домохозяек» и группе благоразумных конгрессменов. Поскольку инфляция присуща «рыночной системе», там с ней можно бороться, применяя обычные средства, т. е. влияя на уровень цен с помощью регулирования спроса и налоговой политики. Меры контроля «спирали» должны применяться только в «планирующей системе», «введенные навсегда, или, по крайней мере до тех пор, пока существуют профсоюзы и корпорации»¹⁰. Полной стабилизации цен, однако, не ожидается. Гэлбрейт допускает рост слишком низких цен, а также заработной платы, если ее уровень ниже средней производительности, но повышение этого уровня также нежелательно. В то же время допускается рост цен в связи с отсутствием роста производительности труда. Привязывание уровней производительности труда и зарплаты внешне выглядит обоснованным. Фактически же, в условиях инфляции номинальная зарплата не может не расти быстрее среднего уровня производительности труда, ибо иначе невозможно предотвратить падение реальной зарплаты.

Проблема инфляции занимает одно из центральных мест в двух последних книгах американского экономиста — «Деньги» (1975) и «Век неуверенности» (1977). Основные объекты «конвенционального благоразумия» Гэлбрейт изображает в виде трех пороков представителей «традиционных верований». Первый порок традиционной экономической теории заключается в непризнании решающего фактора власти корпораций и профсоюзов, которая разбивает все попытки сочетать высокую занятость со стабильными ценами. Следующий порок — «фатальная неэластичность кейнсианской системы»¹¹, которая предполагает возможность увеличения государственных расходов, но не их уменьшение и, одновременно, снижение налогов, но не их рост. В таком виде, продолжает Гэлбрейт, кейнсианская система похожа на улицу с односторонним движением, где все делается против дефляции и депрессии и ничего не предпринимается против инфляции. Третий порок выражается в возрождении веры в монетарную политику как инструмент обуздания инфляции, которой присуща исключительно большая неопределенность результатов ее применения и «порочная бесполезность».

Так как современная инфляция, по мнению Гэлбрейта, имеет не одну причину, то и лекарств против этой болезни также должно быть несколько. Они представлены автором «Денег» как «исторические императивы». Первейшая мера — это решительный отказ от монетарной политики как основного средства борьбы против инфляции. Операции центрального банка должны ограничиваться клирингом чеков и заменой грязных и износившихся банкнот. Наиболее действенное лекарство — это политика «дорогих денег». Добиться успеха здесь Гэлбрейт предполагает с помощью, главным образом, налоговой политики. Для этого полномочия на увеличение или уменьшение налогов с целью регулирования спроса должны быть переданы исполнительной власти. Следовательно, «бюджет национального правительства должен отделиться от фискальной политики»¹². Главный акцент в комплексе антиинфляционных мер Гэлбрейт неизменно делает на прямом принудительном контроле уровня заработной платы и цен. По

мнению автора «Денег», предыдущие попытки сдержать развитие «спирали» были безуспешными именно потому, что основывались на добровольных соглашениях, а не принуждении со стороны правительства. И далее: контроль наиболее активно следует осуществлять равно как перед достижением почти полной занятости, так и перед падением спроса. «Это отнимет у частных корпораций заботливо выращенную власть. Подобным образом отнимет ее и у профсоюзов»¹³. Следующий императив требует более сознательного «эгалитарного распределения доходов». Гэлбрейт поясняет, что успешная антиинфляционная политика зависит от твердого ограничения требований профсоюзов. Но политика отказа удовлетворения запросов «синих воротничков» и положительная реакция на требования остальных слоев населения не может иметь будущего. В связи с этим гарвардский профессор настаивает на пересмотре политики доходов в интересах низкооплачиваемых слоев населения. Подобные предложения, естественно, не могли вызвать одобрения в среде господствующего класса американского общества, хотя по своей сути они утопичны.

Следующее предложение Гэлбрейта касается планируемого удовлетворения потребностей населения в продовольствии, топливе, жилье. В противном случае для «спирали» есть угроза вырваться из-под контроля, так как без планируемого обеспечения стабильное ограничение требований профсоюзов невозможно. А поскольку подобная опасность для «спирали» существует во всех странах, задачу планирования в перспективе должен решать, по мнению автора «Денег», международный комитет. Все эти меры «неортодоксальный экономист» призывает осуществить быстро и энергично. Но, даже если бы рекомендации были приняты, то в первый год не следует ожидать снижения уровня инфляции менее 3—4%.

В целом предлагаемые Гэлбрейтом мероприятия имеют радикальный характер. После опубликования «Денег» и, особенно, «Века неуверенности» антиинфляционные предложения гарвардского профессора подверглись резкой критике справа. Основными объектами нападков были контроль над «спиралью», фискальная политика, политика уравнивания в доходах. Бывший председатель Экономического совета при президенте с 1972 по 1974 год Герберт Штейн писал о «Веке неуверенности»: «Гэлбрейт имеет вполне понятную ностальгию по тем дням, когда он командовал 17-тысячной армией контролеров цен». И немного далее: «Нет никаких доказательств, что контроль над ценами остановит инфляцию»¹⁴.

Несмотря на подобную критику Гэлбрейт остается убежденным и квалифицированным защитником капитализма. Нетрудно видеть границы его методов борьбы с инфляцией, которые обусловлены сверху интересами монополистической буржуазии и снизу — недовольством масс. Избавиться от инфляции в условиях господства капиталистических монополий невозможно ни с помощью регулирования объема денежной массы, ни с помощью борьбы против надуманной «спирали». Выход может быть найден только на путях революционных изменений капиталистических производственных отношений.

Проблемой инфляции не ограничиваются экономические взгляды Гэлбрейта. Он занимает видное место в развитии современной буржуазной экономической мысли. Влияние его критики «ортодоксального» образа мышления может иметь более далеко идущие последствия, чем представляют сегодня его противники из среды неоклассического направления.

¹ Galbraith J. K. The age of uncertainty.— Boston, 1977, p. 226.

² Gorzkie leki doktora Galbraitha.— Forum, N47/1974, s. 16.

³ Galbraith J. K. Money, Whence It Came, Where It Went.— Boston, 1975, p. 5.

⁴ From the works of J. K. Galbraith. The Galbraith reader.— Toronto, 1977, p. 446.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 103.

⁶ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество.— М., 1969, с. 298.

⁷ From the works of J. K. Galbraith., p. 130.

⁸ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество, с. 305.

⁹ McFedzeen F. The economic of J. K. Galbraith.— London, 1977, p. 39.

¹⁰ Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества.— М., 1976, с. 390.

¹¹ Galbraith J. K. Money.— Boston, 1975, p. 276.

¹² Ibid., p. 307.

¹³ Ibid., p. 308.

¹⁴ The Galbraith viewpoint in perspective: critical commentary on «The age of uncertainty» TV series.— Hoover institution press, 1977, p. 38.

А. Н. КУДИНОВ

О ПОНЯТИИ «НАРОД» В ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Термин «народ» многозначен¹. Различные науки в зависимости от их вида, предмета и целей выделяют разные стороны этого понятия. Естественные науки (география, биология) в понятие «народ» включают население страны или определенные этнические группы (нации, народности), проживающие на территории страны или нескольких стран. Гуманитарные науки (философия, история) исходят из социально-классового понимания народа. Особенности этого подхода состоят в том, что народ рассматривается как прогрессивная часть населения страны, создающая материальные ценности, как ведущая сила коренных общественных преобразований.

Такое определение понятия «народ» содержится, например, в философской энциклопедии. Народ, говорится в ней, это «исторически изменяющаяся общность социальных групп с разной классовой структурой на различных этапах исторического развития, включающая те слои и классы, которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества; прежде всего трудящиеся, создатели материальных ценностей»².

Необходимо отметить, что философско-историческое понятие «народ» обогатилось понятием «советский народ» как новая историческая общность людей. Впервые в истории человечества сложился единый народ, состоящий не только из социальных групп, но и из многочисленных наций и народностей, проживающих на территории одной страны. Советский народ, говорится в преамбуле Конституции СССР, сложился «на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества».

«Советский народ как новая историческая общность людей, — отмечает Б. В. Щетинин, — характеризуется тремя основными признаками, которые условно можно назвать социальным, интернациональным и государственно-правовым»³.

К государственно-правовому признаку он относит то, что советский народ выступает как государственная общность, обладает единой интернациональной социалистической Родиной — Союзом ССР; формой этой общности является Советское социалистическое общенародное государство. Государственно-правовой признак дает возможность установить юридические границы понятия «советский народ»⁴.

Нас интересуют «юридические границы» понятия «советский народ», т. е. нас интересует народ в государственно-правовом смысле. «Употребляя слово: «народ», — писал В. И. Ленин, — Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию»⁵. Это положение Маркса о народе как прогрессивной части нации, населения имеет прямое отношение к его государственно-правовому определению, которое нашло юридическое выражение во всех советских конституциях, закрепляющих как диктатуру пролетариата, так и общенародную демократию.

В переходный от капитализма к социализму период власть принадлежала народу, т. е. рабочим и крестьянам, которые осуществляли ее через Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В период

социализма власть принадлежит также народу, но уже всей совокупности советских граждан, которые осуществляют государственную власть через Советы, вначале депутатов трудящихся, а в настоящее время — народных депутатов.

Народ в государственно-правовом смысле имеет и другое значение. Это не только прогрессивная часть населения (граждан), в руках которой сосредоточивается государственная власть. Народ — это этническая общность (нация, народность), имеющая право на самоопределение, на национальный суверенитет.

Юридическое понятие нации, народности как народа нашло свое выражение в конституционных актах Советского государства.

О народе как нации, народности говорится в преамбуле Конституции СССР 1977 года. «Объединение советских республик, — фиксируется в ней, — приумножило силы и возможности народов страны в строительстве социализма».

Безусловно, понятия нация, народность, народ имеют самостоятельные значения. В то же время между ними имеется прямая связь. История свидетельствует, что по охвату людей, из которых они состоят, народ является частью (основной, революционной) нации, народности, совпадает с нацией, народностью или состоит из наций, народностей. Возьмем, к примеру, белорусский народ и белорусскую нацию. До Великой Октябрьской социалистической революции белорусский народ (название нации определяется названием народа, что говорит о их единстве) состоял из рабочих, крестьян, интеллигенции, представителей буржуазии, стоящих на стороне исторического прогресса общества, но не совпадал с белорусской нацией включающей также крупную и среднюю буржуазию, помещиков, духовенство — противников прогрессивных социальных преобразований. Определенное несовпадение понятия «белорусский народ» с «белорусской нацией» имело место и в переходный от капитализма к социализму период, когда еще сохранялись эксплуататорские классы и эксплуататорские элементы. Победа социализма в СССР связана с таким ростом белорусского народа, который привел к фактическому отождествлению его с белорусской нацией. С точки зрения исторического развития вся белорусская нация стала носителем прогрессивных начал развития общества.

В свою очередь, единство народов — наций, народностей, находящихся в СССР, стало основой образования единого советского народа. Два основных показателя характерны для советского народа как новой исторической общности людей: социальный, классовый и национальный. Эти черты или особенности советского народа отражены в преамбуле, а также в ст. 1 Конституции СССР. Союз ССР, говорится в указанной статье, есть социалистическое общенародное государство, которое выражает волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны.

Мы не можем согласиться с В. П. Кабышевым, который определяет народ в государственно-правовом смысле как «совокупность физических лиц, имеющих правовую связь с государством в виде гражданства»⁶. Во-первых, народ в государственно-правовом смысле это не только совокупность граждан, но и нация, народность.

Во-вторых, народ в государственно-правовом смысле определяется понятием «народ» в политическом, философском его толковании. В период строительства социализма власть в нашей стране принадлежала народу, а не всей совокупности физических лиц, являющихся советскими гражданами. Нельзя смешивать различные понятия — народ и совокупность граждан. На определенном этапе строительства социалистического общества отдельные граждане и их группы не входят в состав народа, являясь его врагами. Совпадение этих понятий происходит на этапе зрелого социализма, при отсутствии эксплуататорских классов и достижении морально-политического единства общества.

Заслуживает внимания вопрос о соотношении понятий «народ» в государственно-правовом смысле и «население». Б. В. Щетинин отмечает, что народ, в отличие от населения, категория политическая, потому что ему принадлежит суверенитет, а вместе с ним вся полнота государственной власти⁷. Народ в классовом обществе, в отличие от населения, категория, безусловно, политическая, и не потому, что ему принадлежит суверенитет, а в силу того, что он является субъектом политических отношений. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о многовековой борьбе народов со своими угнетателями. Суверенитет и вся полнота го-

сударственной власти принадлежит народу только в социалистическом государстве.

«Как известно, — пишет Б. В. Щетинин, — население Союза ССР состоит из трех категорий лиц: 1) советские граждане, 2) лица без гражданства, 3) иностранцы»⁸. Это определение населения СССР также нуждается в уточнении. Не все советские граждане и не все иностранцы (вместе с лицами без гражданства) составляют население СССР, а только те из них, которые постоянно проживают в нашей стране. Население СССР — это постоянно проживающие в нашей стране советские граждане и иностранцы, а также лица без гражданства.

В научной литературе нет разногласий по вопросу о соотношении понятий «народ» в государственно-правовом смысле и население. Отмечается лишь, что эти понятия не совпадают⁹.

В социалистическом государстве каждый народ имеет государственно-правовые признаки, поэтому он и рассматривается в этом аспекте. Заслуживает серьезного внимания вопрос о народе союзной республики. Это новое понятие, введенное действующими конституциями союзных республик. Так, в преамбуле Конституции БССР говорится не о белорусском народе, а о народе Белорусской ССР.

Следовательно, под народом республики мы можем понимать государственную общность людей, объединенных социальными и интернациональными связями, общность, состоящую из классов и социальных слоев, а также наций, народностей или трудящихся республики всех национальностей. Народ союзной республики как общность социальных и национальных групп является неотъемлемой частью более высокой общности людей — советского народа.

Применительно к Союзу ССР, мы можем говорить о народе в трех аспектах: народ как социальная и национальная общность людей — русский народ, белорусский народ; народ как социальная и интернациональная общность людей в пределах республики — народ республики; народ как социальная и интернациональная общность людей в пределах СССР — советский народ. Все три определения народа находятся в единстве, они неразрывны, поскольку выражают различные (масштабные) уровни объединения людей. Так, народ союзной республики состоит, главным образом, из народов-наций, народностей, являясь неотъемлемой частью советского народа. Определение трех уровней народа имеет прямое отношение к установлению субъекта, носителя власти. Народу первого уровня — народу нации, народности принадлежит власть, связанная с выражением и осуществлением национального суверенитета. Это проявляется в установлении им своей государственности, в наличии государственного языка, своей территории и других проявлений национального суверенитета.

Народ республики является носителем ее суверенитета. Его верховенство, полномочие проявляется прежде всего в государственной власти, которую он осуществляет через Советы народных депутатов.

Вся власть в СССР принадлежит советскому народу как новой исторической общности людей. Государственное единство советского народа олицетворяется СССР. Союзное государство сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма (ст. 70 Конституции СССР).

¹ Во втором издании БСЭ дается следующее пояснение: «Народ — термин, употребляемый в различных значениях: 1. Трудящаяся масса населения страны, которую в эксплуататорском обществе угнетают господствующие классы... 2. В собирательном смысле — население государства, жители страны. 3. Самые различные формы национальной и этнической общности (например, народность, нация), т. 29, с. 131.

² Философская энциклопедия. — М., 1969, т. 3, с. 535.

³ Щетинин Б. В. Проблемы теории советского государственного права. — М., 1974, с. 8.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 124.

⁶ Кабышев В. Т. Прямое народовластие в Советском государстве. — Саратов, 1974, с. 25.

⁷ См.: Щетинин Б. В. Указ. соч., с. 12.

⁸ Там же, с. 13.

⁹ См.: Там же.

А. М. Павлюченко. **Ленинская концепция создания коммунизма.** — Минск: Изд-во БГУ, 1978. — 128 с.

Монография А. М. Павлюченко посвящена анализу ленинской концепции соотношения объективного и субъективного факторов в строительстве коммунизма. Она состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении и первой главе рассматривается генезис проблемы, показывается решение вопроса о диалектике объективного и субъективного в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, творческое развитие его В. И. Лениным. Автор анализирует ленинскую концепцию, дает характеристику ее сущности, раскрывает ее обусловленность историческим процессом, связь с борьбой рабочего класса против царизма и буржуазии до Великого Октября, а после победы Великой Октябрьской социалистической революции — с практическими задачами строительства нового социалистического общества.

В трех заключительных главах выясняется значение ленинских идей о соотношении объективного и субъективного в применении к таким сферам коммунистической формации, как политика и экономика, процесс управления, формирование нового человека. В частности, во второй главе «В. И. Ленин о соотношении экономики и политики в строительстве нового общества» последовательно анализируются ленинские идеи о качественно новой роли субъективного фактора при социализме, ленинский принцип соотношения экономики и политики, закономерное возрастание руководящей роли Коммунистической партии в строительстве нового общества.

В третьей главе «В. И. Ленин о создании нового общества как управляемом процессе» излагаются ленинский план построения развитого социалистического общества и его воплощение в жизнь, ленинские идеи

о перерастании зрелого социализма в коммунизм. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, автор формулирует основные закономерности перерастания развитого социализма в коммунизм, раскрывает механизм их действия. Познание этих закономерностей, подчеркивает исследователь, дает нам возможность правильно и своевременно решать практические задачи коммунистического строительства.

В четвертой главе «В. И. Ленин о формировании нового человека как главной созидательной силы коммунизма» последовательно излагаются такие вопросы, как первичность объективного фактора в формировании нового человека, а также возрастание морального фактора в развитом социалистическом обществе и задачи нравственного воспитания. В заключение подчеркивается необходимость всесторонней активизации субъективного фактора в процессе строительства коммунистического общества.

Монография А. М. Павлюченко написана на основе глубокого и всестороннего анализа трудов В. И. Ленина, документов международного коммунистического и рабочего движения, материалов XXV съезда КПСС, выступлений Л. И. Брежнева, новой Конституции СССР и других важнейших материалов. Ценность монографии состоит в том, что анализ ленинских идей и ленинской методологии дается в ней с позиций творческого развития идейного наследия В. И. Ленина и решения актуальнейших проблем коммунистического строительства. В книге дана глубокая критика воззрений буржуазных, реформистских и ревизионистских идеологов.

Некоторые теоретические положения автора носят дискуссионный характер и не получили еще однозначного решения в нашей литературе, но их изложение отличается убедительностью и достаточно высоким уровнем обоснования. Можно сказать, что исследование А. М. Павлючен-

ко — заметный шаг в изучении данной проблемы в республике.

**А. Ф. Уколов,
В. Ф. Шалькевич**

Ю. М. Манин. НТР и экологизация производства. — Минск: Наука и техника, 1979. — 135 с.

В книге раскрываются основные направления качественного изменения производительных сил, технологического способа производства в целом под влиянием научно-технической революции. «Экологическому» пессимизму буржуазных идеологов, предрекающих мировую катастрофу и требующих ограничения «пределов роста» народонаселения, производительных сил и человеческих потребностей противопоставляется марксистское решение экологической проблемы, заключающееся в создании качественно нового динамического равновесия между обществом и природой путем перехода к экологизированному производству. Очень интересные мысли высказываются в книге об этапе биологизации производства, переходе к активному использованию свойств и закономерностей биологической формы движения материи и включении в техносферу биологических систем (с. 73). Раскрываются также особенности экологизации сельскохозяйственного производства, которая дает возможность сократить затраты на получение биопродукции и облегчает решение проблемы обеспечения многообразной пищей растущее население Земли. Экологизация производства неотделима от развития космических исследований, позволяющих поднять охрану и улучшение природной среды на качественно новую ступень.

В главе «Экологизированное производство — технологическая основа коммунизма» анализируются особенности взаимодействия с природой, характерные для коммунистической формации. Теоретическое обоснование этого положения придает книге оптимистическую направленность, обусловленную всей сутью и нафосом марксистско-ленинской философии, практикой научного природопользования, совершенствующейся в условиях развитого социализма. Охрану окружающей среды, природной целостности и гармонии Л. И. Брежнев охарактеризовал как «одну из важнейших задач нашего времени»: «Советский Союз делает все возможное для охраны природы, ее растительного и животного мира, минеральных ресурсов. Это завещал нам Ленин. Его подпись стоит под более чем сотней документов об охране природы, принятых в первые годы Советской власти. Этот курс вновь подтвержден XXV съездом нашей партии. Мы будем этой линии придерживаться и впредь» (Правда, 1978, 17 мая).

Концепция превращения в XX столетии биосферы в ноосферу, разработанная академиком В. И. Вернадским, все более подтверждается теорией и практикой. Эти положения представляют большой интерес для правильного понимания природоохранительной политики КПСС и Советского государства, особенно последних постановлений ЦК КПСС, где особое внимание обращается на создание технологических процессов и оборудования, снижающих производственные и иные выбросы в окружающую среду. Сегодня за счет замкнутых систем (экологизированного производства) обеспечивается уже более 80% потребностей промышленности в воде. В перспективе предусмотрен переход на бессточные и безотходные технологические процессы.

Книга Ю. М. Манина предназначена работникам производства, связанного с воздействием на природу, и будет полезна всем, кто интересуется проблемами охраны окружающей среды.

Э. В. Клевцова

Государственно - монополистические комплексы. (Теоретические и методологические проблемы). / Под ред. проф. А. А. Демина и доц. Н. В. Раскова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 160 с.

Монография посвящена исследованию различного вида комплексов (военно-промышленного, атомного, аэрокосмического, агропромышленного, научно-производственного и др.), которые образовались в развитых капиталистических странах. Впервые дается обобщающая характеристика этих новых экономических явлений, которые объединяются единым понятием — государственно - монополистический комплекс. Этот комплекс — важнейшее звено современной государственно-монополистической системы, «организационная форма концентрации, централизации и функционирования его, форма сращивания монополий в единый механизм государственной машины... диалектическое противоречивое единство, рожденное синтезом процессов монополизации и огосударствления экономической жизни, конкуренции и плановности» (с. 29), «конкретная форма временного приспособления капитализма к НТР» в условиях третьего этапа общего кризиса капитализма (с. 27).

Государственно - монополистический комплекс — категория политической экономики, которая не подменяет и не умаляет значения других категорий, но занимает «свое» место в их иерархии. Ее анализ необходим для полного и всестороннего исследования современного капитализма. Комплексы организационно воплощают интеграцию экономики и политики, создают новую обстановку для классов-

вой борьбы, которая должна изучаться и учитываться коммунистическими партиями в их практической деятельности.

В монографии, однако, недостаточно отражена международная тенденция государственно-монополистических комплексов, особенно, военно-промышленного. Представляется не совсем точным определение военно-промышленного комплекса как ядра системы производственных отношений современного государственно-монополистического капитализма и его размещение в «центре всей системы производственных отношений...» (с. 33).

В целом работа ученых Ленинградского университета вносит определенный вклад в исследование актуальных проблем современного капитализма и будет с интересом прочитана преподавателями общественных наук, пропагандистами, студентами.

С. Е. Янченко

Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты.— М.: Наука, 1979.— 343 с.

В октябре 1978 года исполнилось сто лет со дня рождения одного из крупнейших советских историков, основоположника историко-славянской школы, академика Владимира Ивановича Пичеты. В связи с юбилеем Институт славяноведения и балканистики АН СССР выпустил сборник научных статей «Славяне в эпоху феодализма».

Содержание сборника весьма разнообразно. Он открывается очерком В. Д. Королюка о жизненном и творческом пути ученого. Следует отметить публикации рукописей В. И. Пичеты «Австрия и польское восстание 1830—1831 гг.» и «Воспоминания о Московском университете (1897—1901 гг.)». Большой интерес представляют опубликованные в сборнике воспоминания о В. И. Пичете его учеников — известных польских историков Ц. Бабиньской, Ж. Карманова, дочери ученого — Ксении Владимировны Пичеты, переписка между В. И. Пичетой и его ученицей И. М. Белявской.

Одна из статей посвящена научно-педагогической и общественной деятельности В. И. Пичеты в Минске и Белорусском государственном университете. В октябре 1926 года в связи с 25-летием научно-педагогической деятельности В. И. Пичете было присвоено звание заслуженного профессора БССР. Годы пребывания в Минске стали одним из наиболее плодотворных периодов научного творчества ученого. С 1921 по 1929 год он опубликовал около 150 работ по истории, историографии, источниковедению, археологии, архивоведению, истории права Белоруссии. В. Д. Королюк пишет: «Не будучи белорусом, В. И.

Пичета оказался именно тем русским историком, который благодаря своей великолепной научной подготовке и любви к белорусскому народу мог стать во главе возникшей белорусской научно-исторической школы. Овладев белорусской речью, он даже стал писать труды по-белорусски и читать лекции на этом языке. Именно в Белоруссии Владимир Иванович сложился как один из крупнейших организаторов исторической науки» (с. 10—11). В. И. Пичета внес значительный вклад в создание Института белорусской культуры, Академии Наук БССР, действительным членом которой он был избран в 1928 году.

В сборнике содержатся статьи историографического характера и, в частности, о трудах В. И. Пичеты по истории Чехословакии (Г. Э. Санчука), истории Сербии (Е. П. Наумова). Значительная часть статей ведущих советских славистов освещает актуальные и малоизученные вопросы истории славянских стран и Белоруссии эпохи феодализма. Обращает на себя внимание статья профессора И. А. Воронкова «Позиция польских повстанческих властей по вопросу их отношений к царскому правительству, русскому, украинскому, белорусскому, литовскому народам в период восстания 1830—1831 гг.». В ней убедительно определяются позиции различных течений среди восставших, подчеркивается, что революционное крыло решение национального вопроса тесно связывало с общедемократическими преобразованиями. Внимание историков привлечет и статья А. И. Рогова «Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами», в которой убедительно показана роль Супрасльского монастыря как важного центра средневековой образованности, хранилища рукописных книг, места, где писались ранняя история белорусских земель. Малоизвестную страницу в истории политических отношений между Великим княжеством Литовским и русскими землями в XV веке раскрывает статья Б. Н. Флоря. По-новому решается вопрос о времени и этапах утверждения Литовского статута 1588 года в статье Ю. Бардаха.

Выпустив этот юбилейный сборник, историки отдали заслуженную дань уважения основоположнику историко-славянской школы в БССР, академику Владимиру Ивановичу Пичете.

**В. В. Чепко, Д. Б. Мельцер,
И. В. Оржеховский**

Цонко Генов. Освободительная война 1877—1878.— София, 1978.— 326 с.

Свою книгу известный болгарский историк Цонко Генов посвящает столетию русско-турецкой войны и освобождения болгарского народа от пя-

тивекового османского гнета. Историк ставил перед собой цель «показать глубоко народный и освободительный характер войны, проследить сложные международные отношения накануне и в ходе войны, которые оказали свое воздействие на ее результаты» (с. 9).

Большая часть работы посвящена военному и дипломатическому аспектам описываемых событий. Автор анализирует планы воюющих сторон и ход военных действий, дает сжатую, яркую и разностороннюю характеристику важнейших событий, приводит описания крупнейших сражений, изобилующие массой фактического материала, подчеркивает, что война внесла значительный вклад в развитие военного искусства, отмечает «непоколебимое мужество и необыкновенную выносливость русского солдата» (с. 300). На этом широком фоне военных событий решается более важный, с точки зрения автора, вопрос: какое отношение имела война к болгарскому народу и его историческим судьбам? Конкретный анализ событий приводит ученого к мысли, что историческое значение русско-турецкой освободительной войны для болгарского народа «состоит главным образом в том, что она разрушила оковы феодального деспотизма, открыла путь к прогрессивному развитию, провозглашению независимости болгарского народа» (с. 298).

Цонко Генов исследует своеобразие ситуации, когда судьба болгарского народа зависела от весьма сложной системы международных противоречий, получившей название восточного вопроса. Рассматривая политику ведущих европейских держав в восточном вопросе, он приходит к заключению, что наиболее активное и непосредственное участие в его решении принимала Россия, являвшаяся «на протяжении двух столетий внешней силой, которая ускорила распад Османской империи и возникновение на Балканах новых национальных государств» (с. 297).

В заключение отметим, что работа Цонко Генова — весомый вклад в исследование темы, которая разрабатывается учеными многих стран на протяжении последнего столетия.

**Д. Б. Мельцер,
В. И. Сница**

В. Н. Семеньков. Комплексный характер воспитания: проблемы методологии и практики. — Минск: Беларусь, 1979. — 342 с.

Монография В. Н. Семенькова выгодно отличается от других работ по этой теме убедительной авторской аргументацией, базирующейся на результатах многих теоретических и конкретно-социологических исследований систем управления идейно-воспитательной работой ряда крупных предприятий Минска. В книге органически увязаны теоретико-методологи-

ческие и практические проблемы комплексного подхода к коммунистическому воспитанию. С партийных, классовых позиций автор дает краткий обзор и критику наиболее устойчивых буржуазных религиозно-идеалистических, метафизических и натуралистических концепций сущности человека и его воспитания. Существенное внимание в работе уделяется теоретическому исследованию предпосылок и самой сущности комплексного подхода к воспитанию в социалистическом обществе. Это создает необходимую методологическую базу для рассмотрения всех последующих вопросов коммунистического воспитания. Автор убедительно раскрывает основные структурные элементы комплексного подхода к коммунистическому воспитанию: цели, направления, средства, формы и методы воспитания, сферы и социальные уровни воспитательного процесса.

Однако в работе следовало бы четче разграничить понятия целей и основных направлений воспитания. Это далеко не идентичные элементы общего воспитательного процесса. Исследуя структуру комплексного подхода, автор не вводит в нее и не раскрывает содержание такого понятия, как условия воспитательного процесса. Следует учитывать целую систему условий, обеспечивающих процесс коммунистического воспитания: экономических, правовых, идеологических, организационных, информационных и др. Трудно согласиться с позицией автора, считающего (вопреки отстаиваемой и обосновываемой им концепции комплексного характера воспитания), что определенные личностные свойства и качества не могут быть сформированы определенной сферой деятельности (с. 216). Следовало бы более четко и последовательно проследить взаимодействие и провести дифференциацию механизмов преднамеренного (стихийного) воспитательного воздействия на личность и преднамеренного, управляемого воспитательного процесса.

Однако, несмотря на определенные недостатки, работа является существенным вкладом в развитие теории и практики коммунистического воспитания и может быть полезна всем, кто интересуется этими вопросами.

**А. В. Дулов, А. В. Сняк,
И. П. Кирилук.**

Гражданский процесс БССР, ч. I. (Учебное пособие для юридических вузов). Под ред. проф. Н. Г. Юркевича, доц. В. Г. Тихини. — Минск: Вышэйшая школа, 1979. — 216 с.

Несмотря на общность основных начал гражданского процесса, закрепленных в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Гражданский процес-

суальный кодекс Белорусской ССР имеет ряд особенностей в регулировании гражданского судопроизводства, которые обычно не находят отражения в учебниках и учебных пособиях. Это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет изучение гражданского судопроизводства по законодательству республики, а с другой — не способствует взаимному обмену особенностями правового регулирования порядка рассмотрения судами гражданских дел, а значит, и взаимному совершенствованию законодательства и практики его применения.

Рецензируемая работа выполнена с учетом всех изложенных выше соображений. Учебное пособие написано на основе общей марксистско-ленинской теории государства и права, материалов и решений съездов КПСС, новой Конституции СССР и Конституции Белорусской ССР.

Часть I учебного пособия состоит из тринадцати глав, двенадцать из которых предусмотрены программой курса «Советский гражданский процесс» для университетов и юридических институтов, утвержденной Министерством высшего и среднего специального образования СССР в 1978 году. Дополнительно введена глава по истории гражданского процессуального права Белорусской ССР, в которой раскрываются особенности судопроизводства в Белоруссии периодов феодализма и капитализма, освещается становление и развитие белорусского советского гражданского процессуального права.

По нашему мнению, следует обратить внимание на неточность двух практических рекомендаций. Замечание на с. 105 о том, что закон не предусматривает процессуальных последствий неправоисполнения организаций, можно условно отнести только к неправоисполнительной организации-ответчику. Применительно к организации-заявителю последствия ее неправоисполнения прямо предусмотрены п. 8 ст. 31 Основ гражданского судопроизводства, п. 8 ст. 125 ГПК БССР (суд должен отказать в приеме ее заявления). Это обусловлено совпадением процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности организаций. И, наоборот, согласно названным статьям, суд не вправе отказать в приеме заявления на неправоисполнительную организацию-ответчика, как и прекратить производство по делу на этом основании. В таких случаях применяется по аналогии институт замены ненадлежащего ответчика, хотя, строго говоря, неправоисполнительную организацию нельзя отнести к ненадлежащей стороне, ибо последняя всегда предполагается правоспособной, у которой отсутствует лишь материальное право требования.

В книге рассматриваются дискуссионные в науке процессуального права вопросы: предмет гражданского

процессуального права; система и содержание его принципов; содержание и объект гражданского процессуального правоотношения и др., по большинству из которых позиция авторов не вызывает возражений. Обсуждение высказанных авторами предложений и их аргументов окажется полезным для развития теоретических основ правосудия и защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов, что повышает учебную и научную ценность работы.

Н. Т. Арапов

М. А. Ефимов, В. А. Шкурко.
Совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1980, — 106 с.

Рецензируемая монография посвящена анализу социальных институтов, нашедших свое отражение в новом уголовном законодательстве, принятом в феврале 1977 года. Стремление авторов проанализировать все эти институты в комплексе, с учетом нововведений, следует оценивать как весьма своевременный отклик на актуальные проблемы в области теории уголовного права.

Книга содержит обстоятельный и глубокий с точки зрения теории и практики анализ условного осуждения к лишению свободы и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, условно-досрочного освобождения, отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему, освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. Комплексное исследование близких по своей юридической природе институтов вызывает большой научный интерес и заслуживает положительной оценки. В этом плане представляется успешным и полезным обращение авторов к сравнительному методу исследования, который позволил им провести тщательное отграничение рассматриваемых институтов друг от друга, более четко определить их содержание, юридическую природу и особенности применения.

Заслуживает положительной оценки акцентирование внимания авторов на воспитательной стороне уголовно-правовых мер, на способах обеспечения ими общего и специального предупреждения преступлений, а также стремление дать оценку сложившейся практике по применению норм уголовного законодательства и проведению воспитательной работы с правонарушителями. Авторы дают свое определение юридической природы исследуемых уголовно-правовых институтов, которая в современной правовой литературе все еще служит предметом научных споров.

Однако юридическая природа рассматриваемых институтов не всегда

исследуется глубоко и обстоятельно. Так, почти ничего не сказано об особенностях условно-досрочного освобождения, освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. Имеется и определенная нечеткость в трактовке обстоятельств условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему. На с. 85 говорится, что условное освобождение является особой формой реализации уголовной ответственности, сочетающей государственное и общественное воздействие. На с. 138 юридическая природа отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему определена почти так же: как особая форма реализации уголовной ответственности, позволяющая осуществлять исправление и перевоспитание осужденных без изоляции от общества при сочетании государственного и общественного воздействия. Нам представляется, что такие определения юридической природы могут послужить основанием для неверного понимания сущности резко отличающихся друг от друга уголовно-правовых мер.

Не всегда удачен сравнительный анализ смежных институтов. Например, во второй главе весьма подробно проведено отграничение условного освобождения из мест лишения свобо-

ды с обязательным привлечением осужденного к труду от условно-досрочного освобождения, а последнее рассматривается лишь в третьей главе. В пятой главе, посвященной анализу новой формы освобождения от уголовной ответственности — с привлечением к административной ответственности, следовало бы указать, что наличие оснований, при которых возможно применение такого освобождения от уголовной ответственности, не меняет юридической природы самого совершенного деяния: оно было преступлением в момент совершения и сохраняет свою оценку в момент освобождения лица от уголовной ответственности. Речь идет лишь об иных (не уголовно-правовых) последствиях преступления. Следовало бы также отметить, что в случае замены уголовной ответственности мерами административного воздействия данная форма освобождения от уголовной ответственности является безусловной.

Отмеченные недостатки не снижают научной и практической ценности монографии, которая будет полезной как для научных и практических работников, так для студентов и слушателей юридических учебных заведений.

**В. Е. Захаренко,
Ю. В. Калинин,
Э. А. Саркисова**

w 1

ЗМЕСТ

ДА 60-ГОДДЗЯ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА ІМЯ У. І. ЛЕНІНА

6. Кожушков А. И., Чудаев М. Ф. Начало истории. Начало пути 3

ГІСТОРЫЯ

- 5 Казаков Ю. Л. Деятельность Компартии Белоруссии по подготовке рабочих кадров и повышению их производственной квалификации (1951—1955) 8
- 16 Суховой З. А. Деятельность партийных организаций Белоруссии по обеспечению промышленности инженерными кадрами в годы восьмой пятилетки 10
- 3 Вечер Л. С. Создание и деятельность постоянно действующих курсов по переподготовке партийных и советских кадров в годы восьмой пятилетки 13
- 2 Веремеенко М. Д. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по правовому воспитанию трудящихся (1971—1975) 16
- 18-15 Турмаков Ю. В. Из опыта СЕПГ по совершенствованию партийно-политического образования коммунистов и беспартийных трудящихся (1971—1975) 18
- 10 Маслюбин В. Ф. Пролетарский интернационализм — основополагающий принцип в деятельности Коммунистической партии Кубы 20
- 19 Ревяко К. А. Ф. Энгельс о военном искусстве древних римлян эпохи Республики 23

ФІЛАСОФІЯ

- 6 Клевченя А. С. Философские идеи Канта в Белоруссии (К 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума») 25
- 13 Улыбин И. А. К вопросу о сущности и структуре понятия «научное мировоззрение» 28
- 9 Манаев О. Т. Включенность личности в коммуникационное поле средств массовой информации 31
- 10 Мухарская Л. П. «Потребность в общении» как философская категория 34

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

- 4 Мазурчик Л. В. Совершенствование подготовки рабочей смены на современном этапе развития системы профтехобразования 38
- 1 Змигрович И. О. Критика буржуазных определений понятия «интеллигенция» 41

ЭКАНОМІКА

- 1 Бурдынова Л. П. Роль социальных факторов в совершенствовании организационных принципов социалистического соревнования 45
- 2 Гриц В. А. Проблема инфляции в работах Дж. Гэлбрейта 47

ПРАВА

- 4 Кудинов А. Н. О понятии «народ» в теории советского государственного права 51

РЭЦЭНЦІ

- 18 Уколов А. Ф., Шалькевич В. Ф. А. М. Павлюченко. Ленинская концепция создания коммунизма 54
- 10 Клесова Э. В. Ю. М. Манин. НТР и экологизация производства 55
- 21 Янченко С. Е. Государственно-монополистические комплексы 55
- 20 Чепко В. В., Мельцер Д. Б., Оржиховский И. В. Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты 56
- 12 Мельцер Д. Б., Синица В. И. Цонко Генов. Освободительная война (1877—1878) 56
- 5 Дулов А. В., Сняк А. В., Кирилюк И. П. В. Н. Семенов. Комплексный характер воспитания: проблемы методологии и практики 57
- 1 Арапов А. Т. Гражданский процесс БССР, ч. I 57
- 7 Захаренко В. Е., Калинин Ю. В., Саркисова Э. А. М. А. Ефимов, В. А. Шкурко. Совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с преступностью 58

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна». Серыя III (гісторыя, філасофія,
навуковы камунізм, эканоміка, права) у 1980 годзе

ГІСТОРЫЯ

<i>Бадюкова Т. А.</i> Борьба комсомола Польши за создание антифашистского Фронта молодого поколения (1934—1938)	2	10
<i>Ваганова А. Н.</i> Из истории изучения феодальных замков Древней Руси	3	24
<i>Вишневицкий А. Ф., Кравцова О. М.</i> Рост численности и изменение социального состава городов Белоруссии в период кризиса феодализма	3	16
<i>Герменчук В. В.</i> Организация помощи семьям белорусских красноармейцев в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции	3	5
<i>Гонцова С. К.</i> Партийное руководство деятельностью культурно-просветительных учреждений БССР по атеистическому воспитанию трудящихся (1959—1965)	3	13
<i>Жарков М. Г.</i> Против буржуазной фальсификации решающей роли рабочего класса и его партии в Великой Октябрьской социалистической революции	3	3
<i>Жилинский Н. М.</i> Партийное руководство движением за коммунистическое отношение к труду в сельском хозяйстве Белоруссии (1966—1970)	1	11
<i>Касович В. Ф.</i> Деятельность Компартии Белоруссии по интенсификации животноводства республики в годы девятой пятилетки	3	8
<i>Климович В. С., Романовский И. Ф.</i> Программа революционной стратегии и тактики (к 60-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»)	1	3
<i>Климовский Д. С.</i> Основоположники марксизма-ленинизма о монгольских завоеваниях в средневековой Европе	1	17
<i>Корзун М. С.</i> Богословская фальсификация влияния христианства на положение холопов в Древней Руси	3	21
<i>Лившиц Г. М.</i> Абу Али Ибн-Сина — выдающийся представитель средневековой науки и культуры	2	16
<i>Лютый А. М.</i> Условия развития торговли в Белоруссии периода разложения феодализма (конец XVIII — 30-е годы XIX века)	3	18
<i>Мурашко М. Н.</i> Деятельность КПБ по организации производства товаров народного потребления (1966—1970)	1	14
<i>Протченко В. З.</i> КПСС — организатор и вдохновитель победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941—1945)	2	3
<i>Пупа В. В.</i> Совершенствование системы комсомольского политического просвещения на ударных комсомольских стройках Белоруссии в годы восьмой пятилетки	2	7
<i>Сикорский В. М.</i> Некоторые методологические проблемы исследования в исторических науках	1	7
<i>Филистович М. Н.</i> Деятельность Компартии Белоруссии по дальнейшему совершенствованию форм и методов партийной пропаганды (1971—1975)	3	10
<i>Ханкевич О. И.</i> К вопросу о процедуре голосования в законодательных трибунных комиссиях	3	28
<i>Шнеерсон Л. М.</i> Немецкая буржуазная историография о политике Бисмарка 1866—1871 годов (Обзор некоторых работ)	2	13

ФІЛАСОФІЯ

<i>Адуло Т. И.</i> Проблема общего и особенного в исследовании истории белорусской и русской прогрессивной философской мысли (вторая половина XIX — начало XX века)	3	42
<i>Антошкина Э. Г.</i> О содержании понятия «социологический факт»	2	37
<i>Бабосов Е. М., Елауков А. Н.</i> Ленинизм — творческое развитие марксистской диалектики	1	21
<i>Берков В. Ф.</i> Задачи и проблемы в структуре научной деятельности	1	32
<i>Васильев Ю. Л.</i> Актуальность ленинской критики теории факторов	3	32
<i>Гребенников С. Р.</i> Классовый подход к развитию духовных потребностей рабочей молодежи	3	56
<i>Грушевой Г. В.</i> К вопросу об идейных истоках и сущности философии французского спиритуализма	2	27
<i>Гурко Е. Н.</i> О подходах к анализу соотношения эмпирического и теоретического уровней в социологическом познании	1	39
<i>Гусев Ю. А. В. И.</i> Ленин о социальном творчестве трудящихся	1	25
<i>Гуцаленко Л. А.</i> О социально-философских аспектах безграничного развития человека	3	45
<i>Драговец Г. В., Пигулевский В. О.</i> Проблема интерпретации и взаимодействия произведений художественной литературы и кино	1	36
<i>Дудко Е. А.</i> Роль абстракции в процессах дифференциации и интегра-		

ции математического знания	1	29
<i>Карлюк А. С.</i> Дискуссионные вопросы закона отрицания отрицания	2	20
<i>Кузнецова Л. Ф.</i> Эвристические функции картины мира в научном исследовании	2	23
<i>Морозова И. М.</i> Соотношение описания и объяснения в прикладных социологических исследованиях	2	40
<i>Овчаренко В. И.</i> Проблема морали в неотрейдизме	2	30
<i>Перевалов А. Н.</i> К вопросу о гносеологических источниках метафизики	3	34
<i>Поваллев С. А.</i> Психологические аспекты развития потребностей специалистов вузов в научно-информационной деятельности	2	44
<i>Потапова Н. М.</i> О художественной потребности студентов вузов с музыкальной специализацией	3	49
<i>Пуйман Иво.</i> Исследование общественного мнения в Чехословакии	3	60
<i>Скижевич А. А.</i> Специфика субъектно-объектной связи в прикладном социологическом исследовании	2	34
<i>Фомин В. А.</i> Советский характер как социально-политическая категория	3	59
<i>Яскевич Я. С.</i> Методологический анализ проблемы точности языка науки	3	38
<i>Яцкевич С. А.</i> Социальный эксперимент, его сущность и функции	3	52

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Билык А. П.</i> Роль производственного коллектива в интернациональном воспитании трудящихся	1	51
<i>Гойтан В. В.</i> О проблемах развития социальной активности под влиянием политического образования	3	67
<i>Донских А. Г.</i> Необходимость и сущность классового подхода к явлениям общественной жизни в условиях развитого социализма	1	49
<i>Дронт П. П.</i> Развитой социализм и совершенствование социалистического образа жизни	2	47
<i>Жевно М. В.</i> Современный этап социалистического соревнования и его особенности	1	46
<i>Кунцевич К. Н.</i> Противопоставление Ленина Марксу — одно из главных направлений фальсификации ленинизма	1	43
<i>Курганов В. А.</i> Роль Болгарской Коммунистической партии в повышении благосостояния трудящихся	3	69
<i>Феденко А. С., Морозов И. М.</i> Роль личности преподавателя в коммунистическом воспитании студентов в процессе учебных занятий	3	64

ЭКАНОМІКА

<i>Базылев Н. И.</i> В. И. Ленин и актуальные проблемы политической экономики	1	54
<i>Болбас М. Ф.</i> Об уровне экономического развития дореволюционной Белоруссии	3	72
<i>Горелик М. Ш.</i> Общественное разделение труда в системе производственных отношений социализма	2	58
<i>Константинов А. И.</i> Законы производства прибавочного продукта при социализме	2	51
<i>Кулаженко В. А.</i> Промышленное производство средств труда — исходный момент обобществления сельскохозяйственного производства в агропромышленном комплексе	1	60
<i>Мигас В. В.</i> Особенности инвестиционного процесса в ФРГ 70-х годов	1	57
<i>Пузилов В. В.</i> Актуальные методологические аспекты анализа соотношения собственности и производственных отношений	2	55

ПРАВА

<i>Годунов В. Н.</i> Правовая природа планов прикрепления на поставку продукции по прямым длительным хозяйственным связям	1	67
<i>Козлов М. К., Примаченок А. А.</i> Организующая и направляющая роль КПБ в обеспечении социалистической законности и поддержании правопорядка в партизанских зонах Белоруссии (1941—1944)	2	63
<i>Мartiнович И. И.</i> О систематизации республиканского законодательства о судостроительстве	2	65
<i>Матусевич А. В.</i> О правовых аспектах совершенствования сельского расселения	3	84
<i>Мешкова Н. Н.</i> О правовом регулировании разработки проектов планировки и застройки сельских населенных пунктов	2	68
<i>Тимощенко В. В.</i> О субъекте преступления — злостного уклонения от уплаты алиментов	3	79
<i>Тихиня В. Г.</i> Некоторые проблемы теории судебных доказательств в гражданском процессе	3	75
<i>Хомич В. М.</i> Вопросы разграничения угона автотранспортных средств и самоуправства	3	81
<i>Юхо И. А. В. И. Ленин</i> — основоположник советской правовой науки	1	65

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

<i>Гусев Ю. А., Карако П. С.</i> «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина — гениальное произведение творческого марксизма	1	71
<i>Сокол С. Ф., Терешко Н. М.</i> Творческое сотрудничество советских и польских ученых в разработке методологии истории	3	87

КАРОТКІЯ ПАВЕДАМЛЕННІ

<i>Кунцевич К. Н.</i> К вопросу об определении понятия «неомарксизм»	2	72
<i>Лавринайтис Т. Е.</i> Роль комсомола БАМа в формировании активной жизненной позиции рабочей молодежи	2	74
<i>Чудаков М. Ф.</i> О понятии непосредственной (прямой) демократии в СССР, ее формах и субъектах	2	73

РЭЦЭНЗІІ

<i>Давидюк Г. П., Грищенко Ж. М.</i> Rudhard Stollberg. Arbeitssoziologie	2	76
<i>Канашевич А. И., Григорчук И. С.</i> Коммунистическое воспитание студентов в процессе преподавания политэкономии социализма	2	76
<i>Клевченя А. С. К. П. Буслов.</i> Социально-историческое развитие классов в СССР	3	91
<i>Клецков А. Г. А. С. Клевченя.</i> Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше	1	75
<i>Козлов М. К., Хомич В. М. А. В. Барков.</i> Уголовный закон и раскрытие преступлений	3	93
<i>Кравченко Л. Г., Пешков В. М. В. Ф. Берков.</i> Научная проблема (лого-методологический аспект)	3	92
<i>Круталевич В. А. В. И. Староверов.</i> Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма	1	74
<i>Лившиц Г. М. В. А. Федосик.</i> Тайнства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств	1	74
<i>Малевич С. А. Г. М. Лившиц.</i> Атеизм русских революционных демократов	2	78
<i>Мельник Ф. И., Алпеев А. Н.</i> Во главе научно-технического прогресса в промышленности	3	93
<i>Мельцер Д. Б., Квочкин М. П. Ф. Т. Константинов, А. М. Кореньков.</i> Дружба, испытанная временем	1	77
<i>Овсянкин В. А. В. Н. Сидоров.</i> Государственная деятельность рабочего класса БССР	2	77
<i>Пашкевич О. Н. А. М. Байчоров.</i> США 70-х: социальные проблемы и противоречия	2	77
<i>Шавель С. А. Л. А. Дмитрук.</i> Социальная активность производственного коллектива: истоки, формы, тенденции	1	73

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Николай Иванович Жуков (к 50-летию со дня рождения)	2	78
Даниил Сергеевич Климовский (к 60-летию со дня рождения)	3	95
Лев Михайлович Шнейерсон (к 70-летию со дня рождения)	3	96
Федор Макарьевич Нечай (к 75-летию со дня рождения)	1	78

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия III, № 1, 1981

Издательство Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина
220048, Минск, Парковая магистраль, 11.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Редактор *А. А. Сычов*
Малодшы редактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі редактар *Л. Г. Мядзведзева*
Тэхнічны редактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 30.12.80. Падпісана да друку 02.03.81. АТ 12807. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Высокі друк. Ум. друк. арк. 5,6. Ул.-выд. арк. 6,72. Ты-
раж 1290 экз. Заказ 3.

Адрас редакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Ордэна Працоўнага Чырвона-
га Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП Беларусі. 220041, Мінск, Ле-
нінскі пр., 79.

80 кап.

Індэкс 74853